

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ОТДЕЛ 15-К

Андрей Васильев

Отдел 15-К

«Автор»

2015

Васильев А. А.

Отдел 15-К / А. А. Васильев — «Автор», 2015

Как известно, мир многообразен, и зачастую даже то, что кажется невозможным и мистическим, то, что все называют сказками, может оказаться вполне реальным. Прямое тому подтверждение – сотрудники отдела «15-К», которые и занимаются тем, что защищают людей от тех, чье существование считается невозможным, просто потому что в них никто не верит. А зря. Зло всегда реально, даже если оно приходит прямоком из «городских легенд».

© Васильев А. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Васильев

Отдел «15-К»

Все персонажи, кроме нескольких исторических личностей, выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, телепроектами, компаниями, а также с происходящими или произошедшими ранее событиями – не более чем случайность.

Глава первая

Особняк и его обитатели

Москва – это очень старый город. Разумеется, не настолько, как, например, Рим или, скажем, Ростов Великий, но все равно очень-очень старый. Сейчас уже мало кто знает, как именно все когда-то начиналось, и отчего маленькая деревенька на берегу реки стала тем, что теперь называется «Столица нашей родины» и гордо именуется мегаполисом. Разве что только авторы школьных учебников, да и то не всякому из них верить можно.

Годы складывались в десятилетия, десятилетия в века, шумели то соляные, то медные бунты, властителей венчали на царство и убивали, москвичи рождались, жили и умирали, город несколько раз горел, снова и снова возрождаясь к жизни, причем всякий раз прирастая новыми землями, но никогда это место не бывало пусто, хотя насчет его святости можно было бы и поспорить.

И вот так, век за веком, шаг за шагом и добралась Москва до третьего тысячелетия, а именно до его второго десятка. Это, разумеется, если от рождества Христова считать, а коли от сотворения мира подсчет вести, то вообще неизвестно какой нынче год на дворе грянул. Да и кто такое высчитывать-то станет? Разве что Аникушка, который уважает во всем точность, как порядочному домовому и положено, но он по скромности своей вряд ли кому об этом скажет, поскольку не любит в разговоры лезть – стесняется очень.

– С Новым годом! – степенно произнес Олег Георгиевич Ровнин на правах начальника отдела, – как старший по званию, он должен был сказать в наступившем году первое слово, такая уж здесь традиция имелась. Как, кстати, и встречать Новый год всем отделом, причем было непременно нужно, чтобы на этом торжестве присутствовали все действующие сотрудники. Колька Нифонтов, новичок, днем заикнулся было о том, что есть у него желание встретить праздник по-своему, что какие-то личные планы имеются, но почти сразу замолчал, заметив, как Ровнин грозно нахмурился, демонолог Валентина укоризненно покачала головой, а непоседливая хохотушка Вика попросту пообещала:

– Прокляну. Я тут недавно одно забавное заклятие распутала, ни разу такое не попадалось, вот заодно и проверю его действие на тебе. Оно то ли половую функцию у мужчин ослабляет, то ли от него прыщи высыпают очень густо...

Герман и Пал Палыч, оперативники, ничего не сказали, поскольку сами ещё худо-бедно помнили, как были молодыми сотрудниками, но по их взглядам Колька понял – лучше не спорить, толку не будет, потому быстренько перевел свои слова в шутку и пошел звонить красивой девушке Алине, заранее зная, что она ему скажет. Оно и понятно – о совместной встрече праздника с формулировкой «вдвоем, только ты и я» они договорились давно, и тут на тебе – сначала назначение в этот странный отдел, потом эта их глупая традиция...

В результате все так и вышло, и через пять минут молодой специалист с унылым видом курил около входа в дом, где квартировал вышеупомянутый отдел, снова и снова пытаясь понять, означает ли фраза «И не звони мне больше никогда» окончательный разрыв отношений, или все-таки шанс у него еще остался?

– Ты, Николаша, на них не обижайся. – К юноше неслышно подошел самый старый сотрудник подразделения Тит Титыч, который помнил еще его превосходительство графа Верейского, руководившего отделом во времена Александра Второго Освободителя. – Ты пойми, тут ведь не просто традиция, а примета. Если не все сотрудники за стол сядут, чтобы Новый Год встретить, так беда может прийти черная, неминуемая. Даже в старые времена, когда еще Рождество было великим праздником, а не Новый Год, и то она блюлась свято.

– Да я понимаю, – затянулся сигаретой Колька. – Но, Титыч, девушке моей ведь это не объяснишь. Она меня и слушать не хочет.

– И что теперь? – Тит Титыч потрепал юношу по плечу, точнее – обозначил это движение. – Случается такое. Но ты сам, Николенька, подумай – тех барышень еще сколько у тебя быть может? То-то и оно, много, одна обидится, другая поймет. А случись такое, что и другая не поймет – не беда, третью найдешь. А вот коли неприятность какая выйдет, да из-за того, что тебя здесь не было, простишь ли ты себя после этого? Тебе же с этим жить потом придется. А коли что с одним из наших случится, не дай бог? А? Вот, об этом подумай, Николенька, подумай.

И Тит Титыч пошел обратно в здание, тихо и бесшумно, как, собственно, и положено штатному призраку-консультанту.

Колька закурил вторую сигарету и невесело улыбнулся, понимая, что старик все сказал абсолютно верно. Традиции в отделе 15-К соблюдались свято, поскольку его многочисленные сотрудники прекрасно знали, что подобные вещи на ровном месте сроду не появляются. То есть если такой обычай имеет место быть – значит, это неспроста, значит, есть на то серьезные предпосылки.

Нет, Колька сначала на все творящееся здесь, в отделе, смотрел с обалдением, не сказать ошарашенно, понимание происходящего пришло к нему позднее.

Хотя тут надо все рассказывать с самого начала.

Николай Нифонтов, выпускник московской школы полиции, не отличник, но и не отстающий, поначалу был распределен на очень приличное место, в центральный аппарат МВД, что его невероятно удивило – чего-чего, а такой улыбки судьбы он не ждал. Да и с чего бы? Мохнатой лапы у него не было, феноменальными успехами в учебе он тоже не блистал, президенту России племянником не приходился, вот и выходит одно из двух – либо велика Колькина удача, либо он чего-то не понимал. Так оно и было на самом деле, не ведал он о тонких плетениях внутриведомственных взаимоотношений. Как Колька потом уже смекнул, сделали его временным хранителем чужого места, пока чей-то там сын отдыхал после учебы, на которой, скорее всего, он тоже не слишком напрягался. Прошло лето, закончился бархатный сезон, лег первый снег, и вот за пару недель до Нового года владелец теплого места наконец-то явился – не запылится. А Кольку в связи с этим немедленно вызвали в некий кабинет, где ему сказали:

– Вот что, милый друг. Ты, наверное, все уже понял или вот-вот поймешь, и у тебя есть на выбор два варианта. Первый – по доброй воле пиши рапорт о переводе на другое место. В этом случае мы позаботимся о том, чтобы тебе досталась не самая плохая должность. Не самая высокая и прибыльная, но – неплохая. Второй вариант – можешь попробовать поднять волну, но после этого тебе и место участкового где-нибудь в промысловом поселке на Камчатке за счастье покажется. Выбирай. Что ты так смотришь? У нас свободная страна! У каждого есть право выбора.

Дураком Колька не был, идейным противником административной системы Российской Федерации тоже. Напротив – был он реалистом и человеком здравомыслящим. По этой причине, выйдя из начальственного кабинета, сразу же написал заявление о переводе из министерства в... Вот тут Николай оставил пустое место, рассудив, что когда понадобится – он впишет нужные слова. Или кто-то другой это сделает.

Тут-то и случилась закавыка, направившая героя этого повествования именно тем путем, которым он менее всего ожидал идти, поскольку, как было сказано выше, являлся он реалистом до мозга костей.

Почему так произошло, не сможет сказать никто, но каким-то образом в заявлении Кольки, на том самом пустом месте, появились слова «в Отдел 15-К ГСУ ГУ МВД России по г. Москве». Отдельно при этом следует отметить, что вписаны эти слова были колькиной же рукой.

Но сам Колька этого так и не узнал, а девушка-секретарь, печатающая приказ, даже и не задумалась. Ее, впрочем, не смутил даже тот факт, что, по идее, никакого отдела «15-К» при Главном следственном управлении и быть не может. Ну хотя бы потому, что все отделы управления носят наименования, происходящие от названий районов, находящихся под их юрисдикцией, а никак не номера, да еще и с буквами. Тем не менее, секретарь отпечатала приказ, его подписали, бюрократическая машина провернула несколько колес, и через день недоумевающий Колька, который, в свою очередь, знал структуру МВД и перерыл всю сеть, пытаясь понять, что это за отдел такой, но так ничего и не обнаружил, шел по улице Сретенке, ежась от порывов холодного ветра и потихоньку удаляясь от метро «Сухаревская» в поисках одного из бесчисленных переулков. За спиной остались Большой Сухаревский и Последний переулки, Даев, Селиверстов, еще какие-то, и вот наконец он увидел табличку с нужным ему названием.

Пройдя через пару проходных дворов, он вышел к маленькому особнячку, который при- тулился в тени большого дома постройки еще, наверное, позапрошлого века. Скорее всего, дом этот раньше был доходным, а особнячок являлся флигелем, где проживал хозяин этого стоящего рядом массивного здания. А может, и нет, кто его знает? Да и вообще, больше всего к этому особняку подходило слово «домик». Эдакий маленький, уютненький, покрашенный в желтый цвет, с красной жестяной крышей домик.

На крыльце домика стоял представительный мужчина лет сорока, в желтом не застёгну- том на пуговицы пальто, и благожелательно смотрел на Кольку, вертящего головой.

– Вы Николай Андреевич Нифонтов? – приятным и глубоким голосом спросил он. – Я не ошибаюсь, вы новый сотрудник нашего отдела?

– Да, – немного удивился Колька. – Я Нифонтов.

– Вот и прекрасно, – с довольным видом сказал мужчина. – А я, собственно, ваш новый непосредственный начальник, Олег Георгиевич Ровнин.

Колька было собрался отдать честь и представиться как положено, но Ровнин замахал руками, приговаривая:

– Вы эти условности бросьте, у нас тут все просто, без особых чинов, по-домашнему, если можно так сказать. Но при этом, конечно, субординация соблюдается, поскольку порядок быть должен. Пойдемте-ка в дом, а? Холодно нынче, а к вечеру, поди, еще и буран начнется.

Олег Георгиевич открыл дверь и шагнул за порог, поманив за собой Кольку. Тот пошел вслед за ним, размышляя о том, как это так – без чинов, но с субординацией, и откуда, соб- ственно, этот самый Ровнин знал, когда Колька придет? Конкретного времени ему не назна- чили, а сказали просто – явиться на новое место службы в течение дня.

Особняк встретил Кольку теплом и запахом дома, это было как в детстве – ты еще не проснулся, а мама уже печет оладьи, и этот запах проникает в твой сон, делая его еще более приятным. Также пахло в этом домике временем, эдакой смесью ароматов старых книг и веко- вой древесины. Смесью запахов на секунду Кольку сбила с панталыку, да так, что он аж зажму- рился, при этом непроизвольно улыбнувшись. Открыв глаза, Колька увидел, что Ровнин смот- рит на него, при этом тоже улыбаясь.

– Дом вас принял, это очень хорошо, – непонятно сказал он. – Коли так, то пошли в мой кабинет, Николай Андреевич, пообщаемся о том, что вам предстоит делать. Да и вообще о разных всякостях.

– Можно просто Коля, – выдавил из себя Колька, немного ошарашенный происходящим.

– Хорошо, – кивнул Олег Георгиевич. – Так, конечно, куда как проще.

Колька вслед за Ровниным прошел по узенькому темному коридору, поднялся по такой же узенькой лестнице, сказав «здрасьте» попавшейся по дороге черноглазой девушке с корот- кой и тугой косой и каким-то бумагами в руках, которая оценивающе на него взглянула, а

после показала язык, и, наконец, оказался на втором этаже, где было всего три комнаты да небольшой коридор.

Ровнин проследовал в центральный кабинет, махнув приглашающе Кольке. Войдя, он снял пальто, повесив его на вешалку, стоящую в углу, а после, улыбаясь, посоветовал растерянно замершему молодому человеку сделать то же самое.

– Чаю? – спросил он, расположившись в старом и массивном кресле, стоящем у такого же монументального стола, и предложив Кольке присесть на стул, находящийся с другой стороны.

– Да нет, – отказался Колька, хотя если по чести, чаю ему хотелось просто отчаянно. Но как-то неудобно вот так, сразу.

Ровнин иронично улыбнулся и сказал невпопад:

– Ну потом, так потом.

Он откинулся на спинку кресла, сплел пальцы рук в некий купол и уставился на Николая. Тот занервничал и заерзал на стуле, ему было очень дискомфортно.

– Ну-с, Николай, давайте так, – наконец сказал Олег Георгиевич. – Я, наверное, мог бы походить вокруг да около, позадавать наводящие вопросы, поговорить намеками – но подобное не в моих правилах. Я расскажу вам все как оно есть на самом деле, идет? Тем более что данная информация никому особо и не интересна. Разве что только изредка и в виде сплетен. Кому надо – все о нас знают, а кому не надо... Тому и не надо. Как вам такой подход к делу?

– Я – за. – Колька не врал, ему смерть как хотелось понять – куда же он попал?

– Ну и славно. Только, Коля, давайте сразу так – я говорю, вы слушаете, а вопросы потом зададите, если захотите. Идет?

Колька кивнул, и Ровнин начал свой рассказ. Чем дальше, тем больше Колька понимал, что все сейчас им услышанное – капитальный бред, но при этом все окружающее выглядит насквозь материальным. В общем, под конец парень уже не до конца осознавал, что к чему.

Неизвестно, кто Кольке на судьбу ворожил и запись в заявление внес, но этот человек был с большой фантазией. В общем, попал наш свежее испеченный выпускник не просто в какой-то мифический отдел при ГСУ, а в место, которое было предметом слухов, передаваемых шепотом, а то и просто считавшееся забавной побасенкой, в которую и верить не стоит.

Корни отдела уходили в дремучее прошлое, не в пещеры кроманьонцев, конечно, но полных несколько веков существования он насчитывал. Основал его Якоб Виллимович Брюс, он пробил у Петра Алексеевича подписание указа, дающего сотрудникам вновь созданного Приказа определенные полномочия в части «колдовства и ведьмовства искоренения, а также иных природе божеской противных исчадий истребления», а после определил ему место жительства неподалеку от своей башни, коя почиталась суеверными москвичами нехорошим местом. Шли годы, не стало и Петра Алексеевича, который пару раз заглядывал в Приказ еще до того, как съехал в город на болотах, и Брюса, небезосновательно называемого «чертознаем». Правители российские вовсю кружились в череде переворотов, да так, что им и дела не было до маленького Приказа, который продолжал себе работать и выполнять то дело, для которого и был создан. Но надо отметить, что если правители российские про него и забыли, то их верные слуги все-таки помнили, поскольку жалование платили работникам исправно, да и при реформах не обижали. В 1802 году граф Кочубей по просьбе графа Строганова превратил Приказ в «Е.И.В. канцелярию по делам тайным и inferнальным» и ввел ее в состав министерства внутренних дел, откуда она больше не выходила, лишь время от времени меняла названия да департаменты, к которым была приписана. В 1834 году попала в ведение Департамента духовных дел, после была передана под контроль Особой Канцелярии, после... В общем, приписывали будущий отдел 15-К то туда, то сюда, что, впрочем, никак не сказывалось на качестве его работы – сотрудники знай делали свое дело, квартируя все там же, на Сухаревке.

После революции отдел как раз и стал отделом, войдя в 1922 году в аппарат НКВД, а потом и МГБ, относительно благополучно пережил все чистки и репрессии тридцатых годов,

наверное, потому, что никто, кроме самого высокого руководства, особо не понимал, чем там люди занимаются. По крайней мере Ежов, Берия, а после и Аббакумов никак отделу не вредили. Николай Иванович даже немного помог, отогнав от него Бухарина, который по своему всегдашнему любопытству совал нос куда только можно. Хотя, конечно, совсем уж без потерь в лихие тридцатые и сороковые годы не обошлось – сначала был расстрелян давний покровитель отдела Глеб Бокий¹ со своими людьми, а после война проредила его состав через мелкое сито.

Но отдел все равно жил, в дом на Сухаревке приходили новые сотрудники, занимая места ушедших.

В новейшее же время отдел вошел в состав Главного следственного управления, хотя кто это решил – власть, или кто другой, Колька так и не понял, а уточнять не осмелился. Главное, он вроде как смекнул, чем отдел занимается, хотя так и не смог принять понятое до конца, что своевременно и заметил Ровнин.

– Коля, чем быстрее вы поверите в то, что мы делаем, тем проще нам будет общаться, – благожелательно сказал Олег Георгиевич. – Заверяю вас – дело обстоит именно так, как я вам рассказал. Мы на самом деле расследуем происшествия, связанные с иррациональной стороной жизни, проще говоря, преступления, совершаемые с помощью магии, колдовства или же нечеловеческими сущностями.

Колька сидел на стуле как пришибленный. Нет, он видел разные там сериалы, да и книжки всякие читал, про Светлых и Темных, про магов на улицах городов и все такое, но вот чтобы самому с этим столкнуться...

– Давайте так, Николай. – Ровнин прищурился. – Все вы поняли, и уже поверили в то, что услышали, я это вижу. Вам просто надо для себя решить – интересно вам это или нет, пугает вас это или же занимает, вот и все.

Колька посидел еще минуту и сказал как отрезал:

– Интересно. Только я про всякие такие фокусы-покусы ничего не знаю. Не интересовался этой стороной жизни никогда.

– Не беда, – мягко ответил ему Ровнин. – Все такими приходят. А в ответе вашем я и не сомневался, вас дом принял.

– Это как? – не понял Колька

– Если бы вы ему не по душе пришлось, вас бы дверью ударило при входе, или с лестницы скатились. Да и не попадают к нам случайно, механизм отбора мне неизвестен, но поверьте мне на слово. Да вот, кстати, и еще одно подтверждение.

Дверь в кабинет скрипнула и в него вошел... Нет, правильно – вошло маленькое мохнатое существо, несущее в лапках поднос с расписным чайником, двумя стаканами в подстаканниках, блюдечком с нарезанным лимоном и всем остальным, что к чаю прилагается – конфетами, сахаром и коржиками. Росточком странное существо было Кольке по колено, ну, может, чуть выше, и как оно тащило поднос размером с себя, было непонятно.

– Это Аникушка, наш домовый, – пояснил Ровнин. – Плохому человеку, не нашему по духу, он бы сроду не показался. Уж поверьте мне.

Аникушка молча поставил поднос на стол и тихонько удалился, кивнув Кольке на его «Спасибо».

– Ну, Коля, попьем чаю и оформляться пойдем, – подытожил Ровнин. – Чего тянуть?

Так Колька и стал сотрудником отдела 15-К, вот только своим среди своих он себя в нем пока не ощущал. Нет, приняли радушно, все были доброжелательны, но он понимал, что все так или иначе сравнивают его со Славой Запрудским, чье место он занял и которого месяц

¹ Г.И. Бокий (1879–1937), начальник 9 отдела ГУГБ НКВД СССР, который занимался многими интересными вещами, от дешифровки вражеских радиogramм до поисков прародины человечества на Кольском полуострове (*здесь и далее прим. автора*)

назад на задании порвал на куски оборотень-леопард, неведомыми контрабандными путями попавший в Москву.

Отдел был невелик, кроме Ровнина, который руководил им уже восемь лет, в нем работали оперативники Герман и Пал Палыч, крепкие ребята возрастом чуть за тридцать, пришедшие в отдел почти одновременно десять лет назад, аналитик-демонолог Валентина Тицина, дама суровая и немолодая, да еще Виктория, мастер заклинаний и специалист по ведьмовству, та самая черноглазая девушка, которую Колька на лестнице встретил. Еще имелась тетя Паша, номинально числившаяся уборщицей, но это был совсем уж особый случай. Нет, шваброй тетя Паша махала будь здоров как, но по факту она являлась знатоком всех видов магии, что и не очень удивительно. Она работать начинала еще у Барченко, после десяти лет провела в Заполярье, на поселении, где плотно общалась с шаманами и изучала сейды², да и после жизнь ее помотала будь здоров. По всему, ей было лет эдак под девяносто, но выглядела она максимум на шестьдесят. Что же до должности... Колька попробовал выяснить, почему такой человек полы моет, вместо того чтобы в отдельном кабинете сидеть, но так ни до чего и не докопался, только тряпкой мокрой по шее получил, в придачу с советом не лезть туда, куда не следует.

Вот, собственно, и весь состав отдела, по крайней мере тот, что относится к материальному миру.

Но были еще и сотрудники из иного мира, а именно домовая Аникушка и призрак Тит Титыч, бывший сотрудник отдела, невесть почему застрявший в этом плане бытия, добровольно и добросовестно несущий бессрочную трудовую вахту. Характеры у обоих оказались непростые, но Кольку они встретили радушно, Аникушка его чаем поил, а Тит Титыч советы давал мудрые. Только все равно Колька немного грустил, поскольку нет ничего хуже, чем дружный коллектив, который тебя в себя не пускает. Неприятно это всегда, ну вроде того, как пенопластом по стеклу скрести. На задания не берут, на пьянку в кафе позвали, но так, что сам отказался... Печалька...

– Год был непростой, мы потеряли Славу, да упокоится он в Свете, – продолжал свою новогоднюю речь Ровнин. – Но при этом к нам пришел новый сотрудник, Николай, которому мы все очень рады, и который, несомненно, в этом году себя еще покажет с лучшей стороны.

Колька вздохнул – покажет. Дали бы хоть шанс на это, а то пока вон только и дел, что чай пить да с Титычем болтать.

Раздался звон колоколов, и все закричали «Ура». Закричал и Колька, решив не отрываться от коллектива. Первый год службы начался.

² Сейд – священный объект у народов Севера, как правило – камень, в который уходит душа шамана (нойды). Впрочем, это может быть холм или даже роща. Согласно верованиям, обладает силой, хорошей или плохой, это зависит от того, душа какого нойды в него вселилась.

Глава вторая

Старушки в черных платках

Колька отчаянно скучал. Он опять был оставлен дежурным, то есть занимался делом фактически бесполезным и бессмысленным. Насколько Колька уже смог понять, все дела попадали в отдел никак не через дежурного, и по этой причине сидение в помещении, которое располагалось в аккурат напротив входной двери, не имело никакого смысла. Колька вообще предполагал, причем небезосновательно, что до него в отделе особо никто и не дежурил, не сказать, что не дежурил вовсе. Просто Ровнин, подвигаемый лучшими чувствами, решил дать ему хоть какую-то работу, чтобы молодой сотрудник не зачах совсем от скуки, разочарования и ощущения собственной бесполезности. А может, через это место все молодые кадры проходят, поди знай?

Колька зевнул во весь рот, отхлебнул из стакана остывшего чая и подпер голову рукой, отчаянно моргая глазами, которые все сильнее слипались, – шутка ли, восьмой час вечера, посиди-ка вот так без дела целый день, еще не так вымотаешься... Это только лентяи, которые дома торчат, думают, что люди устают от работы, на самом-то деле все куда больше устают от безделья на ней.

Сонливость все сильнее и сильнее набрасывалась на Кольку, он боролся с ней, как с супостатом, тер нос, широко раскрывал глаза и даже разок ущипнул себя, и скорее всего именно из-за этого процесса борьбы прозевал тот момент, когда скрипнула входная дверь и кто-то вошел в дом.

– Дежурный? Очень хорошо. – Это был незнакомый Кольке человек в кожаном пальто. – Кто из руководства присутствует на службе?

– Никто не присутствует, – отозвался Колька. – Домой оно уже пошло, времени полвосьмого вечера на дворе.

Голос у пришедшего был начальственный, и, по-хорошему, следовало бы вскочить и вытянуться в струнку, но Колька этого делать не стал. Ни фуражки, ни погон у посетителя не имелось, а значит, смело можно было его отнести к штатским. А раз так – пошло оно все в баню.

– Ты один, что ли, здесь? – возмутился посетитель. – Вот же тут у вас бардак, а? И где этот бардак происходит? В подразделении системы МВД!

– Не один я здесь, – возмутился Колька. – Оперативник на месте, как и положено. А вы вообще кто такой, гражданин? Документики предъявляем!

Человек повертел головой, как бы возмущаясь Колькиной наглостью, и, достав из кармана красную книжечку, развернул ее перед его носом. Юноша изучил текст и усвоил, что перед ним стоит целый полковник ФСБ по имени Полянский Кирилл Петрович. Нельзя сказать, чтобы Кольку сильно перепугал этот факт, но градус нахальства он решил все-таки приуменьшить. Хотя это и не его непосредственное начальство, но представитель в высшей степени серьезной структуры.

– Проникся? – невежливо осведомился у него Полянский. – Зови своего оперативника и вызывай начальника.

– Не надо никого вызывать, – раздался голос Пал Палыча, спускающегося со второго этажа. – Вы можете рассказать мне всё, что у вас случилось, все необходимые допуски у меня есть.

Спокойный, как всегда, оперативник протянул Полянскому руку, сообщая свое имя-отчество. Полянский недовольно поджал губы, видно, привык к другому обхождению, но протянутую конечность потряс, также представившись.

– Прямо здесь рассказывать? – Фсбшник огляделся вокруг себя. – Может, пойдём в кабинет?

– А чем здесь плохо? – пожал плечами Пал Палыч (без особой нужды посторонних на второй этаж пускать не любили, на то были особые причины, Кольке пока неизвестные). – Ну и потом, если вы приехали сюда сами, да ещё и вечером, значит, дело срочное, и, видимо, не слишком обычное.

– Кхм, – кашлянул Полянский, явно чем-то смущенный. – Ваша правда, и срочное, и необычное. Ваш адрес дал мне генерал Вяземский, сказал, что все это по вашему профилю, уж не знаю, что конкретно он имел в виду.

– Вяземский? – Пал Палыч поднял брови, судя по всему, эта фамилия была ему знакома. – Если так, то да, скорее всего дело по нашей части. Так что стряслось?

– Дети пропали, – вздохнул полковник. – Трое мальчиков, малыши ещё совсем, лет по восемь.

– Плохо, конечно, но при чем тут мы? – удивился Колька и умолк, встретив укоризненный взгляд оперативника.

– Давно пропали? – Пал Палыч достал из кармана пиджака (форму тут никто не носил. Как сказал Кольке Герман, когда тот на второй день службы опять пришел в кителе – «Баловство это. Заканчивай») блокнот и короткий карандаш. – Где, когда, при каких обстоятельствах?

– Сегодня днем. – Полянский насупился. – На Пречистенке, прямо из школьного двора. А вот как – это в голове не укладывается совершенно.

Пал Палыч нахмурился и негромко спросил у полковника:

– Не из той школы ученики пропали, что в Чертольском переулке стоит?

– Из нее. – Полянский с уважением посмотрел на Пал Палыча. – Именно так.

Пал Палыч повертел головой так, как будто рубашка тугим воротником ему в горло врезалась, и уточнил у фсбшника:

– Во сколько это произошло и как дело было? Свидетели есть?

– Вроде в полдень. И свидетели были, то-то и оно. – Полянский сверкнул глазами. – Сразу четверо учеников, причем не первоклашки какие-нибудь, а старшеклассники. И эти вполне себе взрослые ребята несут полную чушь. Говорят, что пропавших увели две какие-то старушки в платках на голове. И как вы думаете, куда? Прямо в забор.

– В калитку? – уточнил Колька.

– Да кабы в калитку! – махнул рукой Полянский. – Тогда бы все ничего, сработали бы по стандартной процедуре и объявили бы розыск по городу. Хотя мы и так, ясное дело, объявили, результата только ноль. Нет. Все вы верно слышали – в забор. Без всяких калиток. Там забор такой знатный, высокий, красного кирпича. Просто сама школа не новая, сильно не вчера возведена, ну и забор, соответственно, такой же, два с лишним метра высотой, тоже еще старой постройки. Вот они в него вошли и как сгинули. Ни следочка, ни зацепочки. И звучит бредово, если бы не свидетели – в жизни бы не поверил.

– В полдень. – Пал Палыч уже не слушал фсбшника, причем создавалось такое впечатление, что произошедшее не слишком-то его и удивило, но при этом очень сильно обеспокоило. – Ах ты, елки-то палки, семь с лишним часов! Это очень много.

– Что не так-то? – занервничал фсбшник. – Если детей не найдем, то беда. Один из пропавших мальчишек – сын Руслана Арвена. Ну того, что владелец «БетаБанка» и еще кучи всего остального. Да вы слышали про него наверняка, реклама по телевизору с утра до ночи идет. «БетаБанк – ваш пропуск в новую жизнь», или что-то в этом роде. И этот самый Арвен уже всех на уши поставил. Он во многие кабинеты вхож, с его-то деньгами.

Колька хотел было сказать, что если бы там этого сына олигарха не было, так и искать не стали бы с таким рвением, но промолчал. Хоть и молодой был, но уже понял, что за каждое лишнее слово спрос потом бывает.

– Найти мы их, может, и найдем. – Пал Палыч вздохнул. – Да вот только какими? Время упущено, полковник, и это есть факт. Тем более ребятишки мальки еще совсем, силенок у них нет. Хотя... Их там трое, это какой-никакой шанс. Может, держатся еще.

– Да что вы все загадками говорите? – рассердился Полянский. – Шанс, силенки! Что эти старухи, их в горы, что ли, утащили, скалолазанием заниматься, в самом-то деле?

– Да какие это старухи! – Пал Палыч махнул рукой. – Коль, Вике позвони, вызови ее срочно, пусть сразу на Пречистенку едет.

– Не получится. – Колька шмыгнул носом. – Она к сестре в Клин поехала. Ее и завтра не будет тоже. Она ж еще с обеда ушла. Ключи от кабинета сдала и умотала.

– Да елки! – Пал Палыч стукнул кулаком по ладони. – И Ровнин недоступен, причем полностью.

– Может, вертолет направить за этой вашей Викторией? – Подполковник достал телефон из кармана. – Только координаты нужны.

– Долго это. – Оперативник вздохнул. – Туда, потом обратно, да и метель вон начинается. Николай, собирайся, едешь со мной.

– Всегда! – Колька обрадованно вскочил с места. – Пистолет брать?

– Бери, – задумчиво ответил Пал Палыч. – Проку от него никакого не будет, но уверенности он тебе добавит. Одевайся и пошли в машину полковника. Вы же на колесах?

– Конечно. – Полковник явно приободрился, уверенность оперативника его успокоила. Оно и ясно – человек, судя по всему, знает, что делает, а такие вещи всегда поднимают настроение.

Пал Палыч пошел наверх за вещами, Колькина же одежда была прямо тут, в дежурке. Он замотал шею шарфом, влез в пуховик и почувствовал, как его кто-то дергает за рукав. Опустив глаза, он увидел Аникушку, который протягивал ему какой-то маленький мешочек, перевязанный цветной ниткой.

– Это чего? – спросил Колька у домового, но тот не ответил, только требовательно тряхнул лапкой – бери, мол.

– Это оберег, – раздался голос Тит Титыча, который появился рядом с Аникушкой. – Бери, Николенька, не сомневайся, если Аникушка что-то дает. Он постарше всех нас вместе взятых будет, потому много такого знает, что люди давно забыли.

– Спасибо, дружище. – Колька взял мешочек и засунул его во внутренний карман пуховика. – Спасибо.

Раз от чистого сердца дают – надо всегда брать, так Кольке его бабушка говорила.

– Ты там поосторожней, в поганое место направляетесь. – Тит Титыч перекрестил Кольку. – Павлуши держись, с ним не пропадешь!

В машине, даже не машине, а в целом микроавтобусе, Пал Палыч, совершенно не обращая внимания на фсбшника, начал наставлять Кольку.

– Ты, Николай, запомни главное – не бойся. Страх для этих тварей как еда для голодного – они запах его издалека чувят, сил набираются, а после смелеют. Вот и выходит, что ты становишься слабее, а они здоровее.

– Да кто «они»-то? – в один голос спросили Колька с Полянским.

– Призраки, кто же еще? – с легким недоумением ответил Пал Палыч. – Ну ладно господин полковник, ему простительно ничего не понимать. Николай, ты у нас, почитай, месяц уже отираешься, мог бы и смекнуть, что к чему.

– Призраки? – снова в унисон сказали его слушатели. Правда, в этот раз у них были разные интонации. Для Кольки сошлись концы с концами, а полковник, видимо, решил, что над ним смеются.

– Они, родимые. – Пал Палыч достал сигарету и вопросительно посмотрел на полковника. Тот махнул одобрительно рукой, и оперативник закурил.

– Слушайте, я, конечно, понимаю, что вы непростой отдел. – Полянский скептически смотрел на дымящего Пал Палыча. – Но призраки – это уже чересчур. Прямо «Секретные материалы» какие-то.

– Ну глупо отрицать то, что есть на самом деле, даже если это и звучит странно. – Оперативник был сама невозмутимость. – А в данном случае дело мы имеем именно с этими представителями мира Ночи. Поверьте моему опыту.

– То есть пришли призраки и похитили детей, – скептически хмыкнул полковник. – Вы сами себя послушайте...

– Не похитили, а увели с собой, – ответил Пал Палыч очень серьезно. – Это разные вещи, ведущие к разным последствиям. Как я предполагаю, дети пошли с ними сами, без принуждения, что очень и очень плохо. Добрая воля жертвы развязывает неупокоенным душам руки.

– Да откуда они взялись в центре Москвы? – повысил голос Полянский. – Призраки, емое. Тем более днем.

– Откуда? – Оперативник достал из кармана складную пепельницу и затушил в ней окурок сигареты. – Да все оттуда же, откуда и последние полвека брались. Это же Чертолье, господин полковник. Место скверное и проклятое, причем с давних времен. Вы всерьез думаете, что там в первый раз дети пропадают? Да господь с вами, это бог весть какой по счету случай. Причем я говорю о тех фактах, про которые у нас в отделе знают, так сказать – задокументированных. А если копнуть архивы, там еще столько же вылезет, а то и больше. Да те, про которые вообще никто не знает... Какому идиоту в шестидесятых пришло в голову на этом месте школу ставить – я не в курсе, но Титыч мне рассказывал, что Прошкин, который в то время отделом руководил, узнав данную информацию, рвал и метал, заранее понимая, что ждет будущих учеников и их родителей. Но времена тогда были такие, что о мистике и заикаться было нельзя. И вот вам результат.

– Да что там за место? – Колька аж подпрыгнул от любопытства, в отличие от полковника, он Пал Палычу поверил сразу и безусловно. – Отчего все так?

– Обычное проклятое место. – Пал Палыч пожал плечами. – Одно из многих, их в Москве немало, какие-то похуже, какие-то побезобиднее. Но вот какая штука – не на всех проклятых местах школа стоит. Что вы смотрите на меня? Школа – стало быть, дети, а для неупокоенных детские души – это самое сладкое из всего, что только может быть. И еще один нюанс – не все проклятые места такую долгую и славную историю имеют.

Оказалось, что это самое Чертолье известно давным-давно, с ним дело сотрудники отдела имели еще в бытность свою в статусе Приказа. Памятуя о том, что некогда тут было языческое капище, века эдак с пятнадцатого колдуны повадились в Чертолье обряды по ночам творить, со всеми вытекающими оттуда непотребствами, наплевав с высокой колокольни как на стоящий рядом храм божий Спаса Нерукотворного, так и на пожелание Алексея Михайловича Тишайшего, от всей души желавшего, чтобы место это пречистым было вовеки. Прижились они там капитально, почти на век, и настолько корни пустили, что дьяки приказные их последы чуть ли не до матушки Екатерины выкорчевывали.

Потом все стало еще веселее, когда после пары моровых поветрий, основательно проредивших московское народонаселение, туда стали покойников свозить, основав на этом месте что-то вроде хранилища безвестных трупов и зачастую закапывая их там же, причем пачками – времена были простые, незамысловатые, не до условностей было.

Но пока там церковь стояла, неупокоенные души неотпетых покойников шалить все же не могли, – так, запоздавший прохожий огоньки синие увидит или, к примеру, шелест голосов услышит, – но это все ерунда, дело нестрашное и безобидное. А вот когда при Сталине храм снесли, все похуже стало, но тоже еще не совсем скверно. Хотя и тени люди стали видеть, и кошмары у многих окрестных жителей начались, но о том, чтобы мертвые живых на ту сторону бытия тащили, разговоров до поры до времени не было. До той самой поры, пока землю копать не стали, снося старые дома и возводя новые. Эскаваторы своими ковшами кости мертвых наверх потащили, а вслед за ними и души из небытия полезли, причем большей частью препаскудные – мор, он ведь в первую очередь лихих людей косил по кабакам да по притонам. Разбойничков, девок гулящих да прочее отребье, которое в посмертии Свет отринуло, а иная сторона то ли прозевала, то ли не призвала, то ли с какой целью здесь оставила. Может – случайно, а может, так и задумано было.

Нет, нельзя сказать, что прямо нашествие неупокоенных душ случилось, но с пяток дел о пропаже детей в милиции так и ушли в нераскрытые, что по тем тихим и спокойным временам смахивало на нонсенс. Отдел подключали поздно, когда сделать ничего было нельзя, время в таких случаях идет на часы, а потом... Потом все, следа не найдешь. Хотя несколько детей успели вытащить с той стороны, что было, то было.

– Так это чего, они все время там бродят? – ошарашенно спросил Колька. – Это ж жуть какая!

– Ну не все время, конечно, а только когда потревожат. – Пал Палыч усмехнулся. – Кости, те, которые откопали, потом по новой захоронили или сожгли, все и успокоилось более-менее. А что до сегодняшнего... Полковник, там, часом, никто в земле не рылся?

– Копают, – немедленно отозвался Полянский. – В аккурат за школой канаву вырыли, то ли теплотрассу проверяют, то ли еще чего. Я сам раскоп видел.

– Ну вот тебе и ответ. – Оперативник щелкнул Кольку по носу. – Кости зацепили, на свет Божий вытащили, а чьи они – поди знай. Но коли старушками прикинулись, то можешь мне поверить – здесь точно ведьмы замешаны. Точнее – их кровь.

– Ведьмы? – Колька шмыгнул носом. – Это как в кино?

– Насчет кино не знаю, но совершенно не обязательно, что при жизни эти души ведьмами были. Может, мать колдовала или бабка, заблудилась в жилах пара капель проклятой крови, вот и все. А после смерти о себе знать и дала, вон как ловко трех мальчишек увели. Ладно, сейчас посмотрим, что к чему. Никак приехали?

– Есть такое, – отозвался водитель. – Ох и пробок сегодня! А всё она, метель. Тут пешком всего ничего, а ехали сколько?

И впрямь – мело на Пречистенке куда сильнее, чем у здания отдела, разгуливалась серьезная метель. Пал Палыч вышел из автобуса, вслед за ним выскочил Колька, обратив внимание, что у здания школы, добротного красного кирпича, сразу видно – еще той постройки, трется немало народа – видать, сотрудники разных ведомств, да еще, похоже, родители пропавших мальцов.

– Ну, полковник? – подошел к Полянскому горбоносый мужчина с тонкими чертами лица и в очень дорогом пальто. – Где результат? Где мой сын?

– Господин Арвен. – Фсбшник говорил негромко, но уверенно. – Все, что мы можем – мы делаем. Вот, я привез экспертов, эти люди, скорее всего, смогут нам помочь в расследовании.

Арвен экспрессивно взмахнул руками, с сомнением посмотрел на невозмутимого Пал Палыча, с явным скептицизмом на порозовевшего от ветра Кольку, гортанно добавил что-то на своем языке и пошел к рыдающей черноволосой женщине, спрятавшейся от снега под козырьком входа в школу.

– Дожили, – сплюнул Полянский, вложив в это слово сразу много разных чувств. – Раньше я таких, как он, за горло брал, а теперь – «где результат».

– Там? – не обратил внимания на его реплику оперативник и ткнул рукой куда-то в темноту, где громадой высился высокий забор.

– Там, там, – подтвердил фсбшник, помялся немного и поинтересовался: – Мне с вами идти?

– Нет. – Пал Палыч достал из машины сумку, которую прихватил из отдела, и негромко попросил его: – Поставьте пару человек у торца школы, и чтобы к забору никто не подходил, пока мы там. Особенно за этим банкиром смотрите, если он полезет за нами со своими закидонами – беда будет. И для него, и для ребят, и для нас. Его – не жалко, а вот себя и мальцов – очень.

– Понял. – Полянский понимающе кивнул.

– Николай, ты смотри, если все случится так, как я планирую, то там может быть жутковато. Если хочешь – тоже постой в оцеплении, – дружелюбно предложил Пал Палыч. – Дело такое, ты же с миром Ночи лицом к лицу пока еще не сталкивался.

Колька даже обиделся – ну что такое! Только-только он себя сопричастным к работе отдела почувствовал, и вот опять он вроде как чужой.

– Нет уж, – нагловато заявил он. – Я с тобой, что же мне, до конца своих дней в оцеплении стоять да в дежурке сидеть?

Пал Палыч засмеялся и потрепал его по плечу.

– Молодо-зелено. Ладно, тогда слушай меня и запоминай. Первое. Как я уже тебе говорил – не бойся их, поскольку страх для неуспокоенных это сильнейший стимулятор. Но если их не бояться, то серьезно навредить они тебе не смогут. Второе – ни при каких условиях и никогда не называй им своего имени. Если сообщишь его им сам, да еще по доброй воле, тогда они смогут тебя находить всегда и везде, где бы ты ни был. И третье, самое важное – не соглашайся ни на какие их предложения, особенно те, которые касаются тебя лично. В смысле – твое будущее, твоя жизнь, твои планы. Призраки очень хитры, ты и сам не поймешь, как поменяешься с ними судьбой. Потом, конечно, можно будет именем Высшего судьи оспорить их обман, но это если ты еще к тому времени жив будешь. Да и проклятие таким образом можно заработать, а посмертные чары – это ох какая хреновая вещь. Так что ты там лучше всего просто молчи, не вступай с ними в беседу. Я говорю – ты нет. Запомнил?

– Ну да. – Колька вздохнул. – Запомнить-то он все запомнил, жаль только понял не все...

– Ничего, на месте разберешься, – и Пал Палыч уверенно двинулся в снежную тьму.

Чем ближе сотрудники отдела подходили к темно-красному забору, тем пронзительней дул ветер, крутя маленькие снежные буранчики у них под ногами и толкая в грудь. Когда они почти вплотную подошли к нему, у Кольки внезапно заledenели кончики пальцев, причем ни с того ни с сего. Он поднял руку и потряс ей.

– Ага, уловил холод Ночи, – услышал он сквозь свист ветра голос Пал Палыча. – Ну вот, значит, ты точно наш, отдельский. Есть у тебя чуйка на экстраординарные явления, очень хорошо. Можно и без нее, но так спокойнее. Считай, что врасплох тебя уже не застанут.

А Колька тем временем вспомнил, что верно, такое несколько раз и случалось. В метро и на кладбище, причем на кладбище у него не то что пальцы, а вся кисть руки тогда заledenела. Стало быть, это маячок был, а он-то подумал...

Пал Палыч глянул на Кольку и внезапно спросил его:

– Ну, откуда они выходили на охоту?

«А я знаю?» – чуть не ответил Колька, но промолчал, походил вдоль кирпичной кладки, проваливаясь местами в снег, и понял, что, скорее всего, это место тут, рядом с этим чахлым деревцем. Откуда пришло это знание, он не понял, но решил, что интуиция есть интуиция. Не стоит с ней спорить.

– По ходу, здесь, – ответил Колька оперативнику и успел увидеть одобрительную улыбку, скользнувшую у того по лицу.

– Верно, – подтвердил Пал Палыч. – Следов, по крайней мере визуальных, здесь нет, да и быть не может. А вот эманации зла еще остались, и ты их учуял на уровне рефлексов. Молодец, со временем хорошим оперативником можешь стать.

– И чего теперь? – Кольке была приятна похвала коллеги, что уж тут скрывать. – Ну вот эти эманации остались, но мы же сами сквозь забор не пройдем?

– Конечно, сами не пройдем, – не стал спорить оперативник. – И по этой причине позво-ем-ка мы к себе сюда проводников.

Пал Палыч достал из сумки, висящей на плече, какую – то запечатанную мензурку, вынул из нее пробку, пробормотал себе под нос что-то на неизвестном Кольке языке и плеснул мутную жидкость на забор.

Снежная пелена окутала место, куда попало содержимое мензурки, повисела там около минуты и опала, оставив что-то вроде марева, сквозь которое было видно деревья на той стороне забора, так, будто в нем дырку пробили.

– Ух ты! – Колька аж открыл рот. – А это чего это?

– Цыц! – жестко произнес Пал Палыч. – Стой, смотри и молчи.

Мареву колыхнулось, и сквозь него прошли две старушки, самые что ни на есть обычные, в черных платках, сгорбленные, разве что только без авосек в руках и одетые как-то очень легко, не по сезону, в шерстяные кофты, длинные юбки и платки, полностью скрывавшие лица. А вот верхней одежды не наблюдалось вовсе – ни пальто с побитыми молю воротниками, ни пуховиков китайских, универсальных. Колька хотел было этому удивиться, но тут заметил, что старухи эти еще вроде как слегка прозрачные, сквозь них забор проглядывает. Тут и понял он, кто прошел через мареву и на их зов пожаловал.

Да еще и холодом его обдало изрядно. Когда старухи прошли сквозь эту пелену, к обычному зимнему ознобу добавился какой-то другой, странный, незнакомый до этого, он как будто обжигал парня изнутри и колол тысячей иголок.

Крючковатые носы, торчащие из-под платков, слегка зашевелились. Возникло ощущение, что эти существа принохиваются, так же как голодный человек с удовольствием вдыхает запах еды.

– По какому праву вы сегодня забрали тех, кто принадлежит этому миру? – негромко, но очень отчетливо проговорил оперативник. – По какому праву или по чьей воле?

– Они пошли с нами добром, – сказала та старуха, что стояла слева, голос у нее был глухой и какой-то дребезжащий. – Они сами дали нам власть над своими именами.

Она явно не оправдывалась, а просто деловито сообщала то, что сделанное есть ее право. Право мертвого на жизнь живого.

– Они дети, зла не делавшие и его не ведавшие, нет у вас власти ни над именами их, ни над волей, ни над судьбами, – грозно сказал оперативник. – И вы знаете, что вам грозит за такое бесчинство.

– Нам не нужно разрешение для того, чтобы получить чью-то жизнь, – ухмыльнулась правая старуха. – И ты это прекрасно знаешь, судный дьяк.

– Знаю, – согласился Пал Палыч. – Но знаю также, что грозит вам за то, что три невинные души забраны были обманом. И не сомневайтесь, весть об этом будет донесена до нужных ушей.

Старухи гадко заулыбались, а Колька в этот момент заметил, что внутри у них не только прозрачность имеется, но и чернота какая-то, будто сгусток тьмы или клякса чернильная там сидит.

– А что твой спутник молчит? – вдруг сказала левая старуха. – Как тебя зовут, молодец?

Колька по простоте душевной и по привычке чуть было не брякнул свое имя, на что, видать, у подлой старушенции и был расчет. Но – удержался и только зубом цыкнул, – мол, не про твою призращную душу имя мое.

– Хитер да умен – два угодыя в нем. – Правая старуха прищурилась. – Ладно, пусть так, о твоём спутнике, судный дьяк, мы после поговорим. А что до деток малых – твоя воля. Иди, да и забери их, коли сможешь. Как идти да куда – ты знаешь. И что там тебя ждет – тоже.

Старухи дружно повернулись и убрели обратно, в марево. Пал Палыч вздохнул и двинулся за ними, Колька же последовал за старшим товарищем.

– Ты куда? – Оперативник повернул голову и шикнул на него. – Здесь оставайся!

– Вот еще. – Колька нахмурился. – А если что – кто спину тебе прикроет?

Пал Палыч явно сначала хотел еще раз ругнуть Кольку за настырность, но по его виду понял, что тот скорее помрет, чем отступит.

– За мной идешь, след в след, и там ни полслова с кем-то кроме меня. Понял? – сурово приказал он парню. – Отвечай уже!

– Чего не понять, – ответил Колька, обрадованный тем, что его не послали куда подальше. Хотя и жутковато, конечно, лезть в эту дрожащую белесой дымкой дыру, но ждать здесь Пал Палыча куда жутче. Или, не приведи Господь, потом всю жизнь себя корить, что с ним туда не пошел...

Никаких эмоций при прохождении сквозь дырку в заборе Колька не испытал, сначала ничего не почувствовал, а после не до того стало, уж очень забавно все с другой стороны выглядело. Забавно, странно и неправильно.

Во-первых, тут была не зима – здесь была осень, причем поздняя – деревья лысые стоят, снега нет и небо серое. Во-вторых, – тут почему-то был вечер, хотя с той стороны уже была почти ночь. И, наконец, в-третьих, – здесь дома по-другому не только стояли, но и выглядели. И людей совершенно не было. Ну что значит по-другому? Не так, как в том мире, откуда Колька только что пришел.

– Палыч, а это как так? – прошептал он, уже забыв, что ему оперативник наказывал.

– Это? – Пал Палыч внимательно оглядывался вокруг. – Это, приятель, другая реальность. И если ты меня еще раз по имени или отчеству назовешь, я тебя в ней брошу навсегда, дурака такого.

– Ой, блин. – Колька искренне расстроился своей глупости. – Я не подумал.

– А вот в это сразу верю, – не усомнился Пал Палыч. – Мы с тобой сейчас в другом городе, в другой Москве, в той, где время остановилось навсегда. Время, друг мой, оно странная штука. У нас, там, оно идет и не останавливается, минута за минутой, час за часом. Но это не значит, что каждая из прошедших минут исчезает бесследно. Представь себе аппендикс – раньше или позже он набивается всякой чепухой, воспаляется и его удаляют. Вот и у времени есть такой аппендикс, в нем оседают какие-то образы, дела, воспоминания. И в том числе призраки, которые являются населением этой реальности. Наверх их не взяли, вниз тоже, а быть им где-то надо, вот они и облюбовали эту местность. Тут тихо, спокойно и в нашу реальность шагать можно, при благоприятном сочетании звезд. Слава небесам, что такое бывает нечасто. Хотя, конечно, не все призраки живут тут – кто-то прикован к своему бывшему жилищу или, например, просто не желает здесь быть. И вот еще – не все они агрессивны, не все местные жители норовят человека прикончить, ты это помни. Не все – но очень многие.

– А эти старухи?

– А это такая погань, которую обязательно надо уничтожать, – очень серьезно сказал ему Пал Палыч. – Но здесь у нас на это шансов нет, может, потом их выцепим и развоплотим. Да и не до них сейчас, надо выручать ребятишек.

– Сначала их найти надо, – растерянно сказал Колька. – Вот только как?

– А ты приглядишься. – Оперативник ткнул пальцем в булыжную мостовую, на которой они стояли. – Повнимательней глянь.

Колька уставился на серые камни и увидел три светящиеся ниточки, причем если одна из них светилась более-менее ярко, то две других еле мерцали.

– Твари, – сквозь зубы процедил Пал Палыч. – Они двух мальчишек уже почти выпили! Давай, руки в ноги!

Слово с делом у оперативника не расходилось, и он очень быстро зашагал по мостовой. Колька припустил за ним и, поразмыслив, задал все-таки вопрос, который просто вертелся у него в голове, не давая покоя.

– А это что, любой сюда может попасть? Если знать как?

– Нет, – ответил ему Пал Палыч. – Никто сюда попасть не может, это место для теней, а не для людей с горячей кровью. Здесь можно оказаться только в том случае, если тебе дал такое разрешение кто-то из обитателей этой реальности. Мальчишек привели старухи, они же пригласили сюда нас, и это наше уязвимое место – мы по факту заключили с ними сделку, пусть и без взаимных обязательств. Вот только выбора не было, что поделаешь.

– Ну если мы ничего им не обещали и обязательств никаких нет... – Колька хмыкнул, как бы подразумевая, что если он кому чего и должен, то готов простить эти долги.

– Это не люди. – Пал Палыч ускорил шаг. – У них другие понятия и о долгах, и о морали, помни это всегда.

– А вот ты сказал, что сюда нам хода нет, а как же тогда ты проход открыл?

– Одно дело его открыть, другое – в него войти, – наставительно ответил Кольке оперативник. – Я его активировал и заклинание вызова сущностей сказал, а пустили нас сюда они сами.

Оперативники прошли мимо какой-то башни, судя по всему – водонапорной, Колька такую раньше только на старинных фотографиях видел, потом мимо пары приземистых домиков, стоявших рядом с трехэтажным особняком, через пару переулков между деревянными теремами, и, наконец, вышли на большую площадь, которой в той, настоящей Москве, наверное, и не было никогда. Хотя, может, и была, да только застроили ее давным-давно.

В центре этой площади был насыпан приличных размеров земляной холм, на котором лежали трое мальчишек в синих форменных пиджачках, подле холма валялись их куртки и рюкзаки. Над ними стояло небольшое огненно-красное сияние, которое становилось все тусклее и тусклее, поскольку то и дело над холмом пролетали черные тени, явно забирая часть отблесков чужой жизни себе.

– Твою-то мать! – Пал Палыч побежал к холму, выдавая совсем уж неприличные ругательства. Колька припустил за ним, чувствуя внизу живота противный холодок – картина была жутковатенькая. Будь ты хоть сколько храбрецом, но увидев такое и струхнуть несложно.

Оперативник взлетел на холм, встал над телами ребятишек и громко сказал:

– Не смей! Они принадлежат Жизни, а не Смерти.

– Мои слуги уже сказали тебе, что эти люди сами сюда пришли. Их на веревке не тянули.

Говорящий тоже взошел на холм, это был... Или было? Наверное, все-таки был. Так вот – это был высокий призрак в черном сюртуке и с каким-то очень невыразительным лицом. Увидишь такое – и сразу забудешь.

– Это дети. – Пал Палыч закрыл лежащих мальчишек собой и встал у него на дороге. – Их нельзя забирать просто так, ты это знаешь.

– Это нигде не написано. – Существо в сюртуке обвело площадь рукой. – Мои слуги хотят есть, это их право. Вы, люди, их потревожили, разбудили, так будьте любезны и накормить. Как по мне – подобное честно.

– Я не собираюсь с тобой дискутировать. – Пал Палыч уставился в глаза призрака. – Я забираю их с собой.

– Это мой мир и мой город. – Призрак нагло заулыбался. – Не много ли ты на себя берешь?

Колька, к тому времени тоже взобравшийся на холм, смекнул, что дело, похоже, плохо. Понял он и то, что Пал Палыч был прав, от пистолета здесь проку приблизительно столько

же, как от палки-копалки в рыцарской схватке. Тем не менее, он сделал то, что мог – дослал патрон в патронник и встал рядом с коллегой. Что примечательно – страх ушел, как и не было его. Наверное, потому что он выполнял свой долг?

– Напугал, – засмеялся призрак, тыкая пальцем в Кольку. – Слушай, вы где таких смешных берете?

– Какие есть. – Пал Палыч помассировал шею. – Все, разговор окончен. Открывай нам выход в наш мир, Мастер Теней, не тяни.

– Ох-ох-ох, как ты серьезен. – Мастер Теней явно развлекался. – Да с чего бы? Сами пришли, сами и выходите. Проход где был, там и остался, никуда не делся.

– Вот ты тварь, – вырвалось у Кольки непроизвольно. – Ребятишки же не дойдут, они вон на ладан дышат.

Видно, его слова духа разозлили, потому что по призрачному лицу пробежали черные змейки трещин, и Мастер Теней недобро посмотрел на оперативников.

– Они наши. Убирайтесь отсюда, пока можете, – прошипел он. – А тебе, щенок, я эти слова еще вспомню. Как там тебя зовут, я не расслышал?

– Чего меня звать? – дерзко ответил ему окончательно расхрабдившийся Колька. – Я к столу сам всегда первый бегу.

– У них есть право выбора. – Пал Палыч толкнул напарника в бок и, глядя в потихоньку начинающие багроветь глаза призрака, твердо сказал: – И это ты оспорить не можешь!

– Да? – Призрак засмеялся. – Что же, право есть право! Давай, вопрошай. Все как всегда – у вас есть десять секунд, и если за это время щенки скажут, что хотят остаться здесь, или не дадут ответа вовсе – то они наши навеки.

– А если говорят, что хотят уйти с нами, то ты откроешь нам проход в наш мир прямо здесь и снимешь с них все долги. И еще – один имеет право говорить за всех, – немедленно уточнил Пал Палыч.

– Ишь ты! – возмутился дух. – С чего это?

– А я взамен не буду пользоваться правом мстить твоим слугам по конкретно этому поводу, – неохотно добавил Пал Палыч.

Призрак скорчил недовольную гримасу.

– При любом раскладе, – пробурчал оперативник. – Три раза я их отпущу невозбранно. Но это если на них не будет крови!

– Да будет так. – Явно довольный Повелитель раскинул руки в стороны и рявкнул: – Раз!

– Эй, парень! – Пал Палыч бросился к тому мальчишке, который был покрупнее, и, судя по внешнему сходству, приходился сыном владельцу заводов, газет и пароходов. Он пару раз саданул его по щекам и проорал: – Ты хочешь пойти к маме?

– Мама... – Мальчик открыл глаза. – Да, я очень хочу к себе домой, к маме!

– Восемь, – провыл довольно жутко хор голосов, причем в отдельных из них человеческого не было вовсе.

– Один или с друзьями? – уточнил Пал Палыч. – Вон теми двумя?

– С ребятами, – пробормотал мальчишка. – Только бы попасть домой поскорее.

– Он сделал свой выбор! – Оперативник поднял руку и посмотрел на призрака. – И ты его слышал.

– Можно было бы еще покочевряжиться и попридираться к словам. – Тот неприятно улыбнулся. – Но – ладно. Я согласен, уговорили. Они свободны.

Посреди площади появился такой же белесый круг, как и тот, через который оперативники попали в это странное место.

Пал Палыч забросил двух мальчишек себе на плечи, третьего подхватил Колька.

– Говори, – потребовал Пал Палыч, глядя на Мастера Теней.

– Скатертью дорога, – глумливо сказал призрак. – Удачи вам во всех делах.

– Не дури. – Оперативник сузил глаза. – И не буди лихо, пока оно тихо.
– Ты, видно, забыл, смертный, в чьих ты владениях, – неприятно прошелестел призрак. – Ведь оно сейчас и перемениться все может, не с пользой для тебя.

– Говори. – В голосе Пал Палыча то ли громыгнула сталь, то ли шелкнул затвор.

– Экий ты зануда. – Призрак воздел руки вверх, и с завываниями произнес:

– Возвращаю сим трем отрокам знания об их именах, ведомых нам, и запрещаю им вход в наш дом на веки вечные.

– Вот теперь прощай. – Пал Палыч кивнул Кольке и двинулся к выходу в привычный для него мир.

– Насчет «прощай» – я бы не стал зарекаться, – расхохотался призрак и сообщил в спину оперативникам: – И вот еще что, юноша, – любопытный у вас оберег. Передайте привет тому, кто вам его дал, а лучше – купите ему водки. За такой подарок ей до гробовой доски поят.

Сзади зашуршало, как будто ветер закружил павшую листву осенним днем, а после все стихло.

Колька обернулся, чтобы еще раз глянуть на сборище теней, но площадь была пуста, только дома пятались на двух оперативников своими пустыми проемами окон.

Видимо, в том отражении реальности расстояния не совпадали с реальным миром, поскольку наши герои вышли в него практически там, где и заходили – у входа в школьный двор. Их неожиданное появление из ниоткуда увидел только все тот же Полянский, стоящий с сигаретой.

– Нашли? – выдохнул он, выбрасывая окурок в снег.

– Как видишь, – устало вздохнул Пал Палыч. – Досталось мальчишкам, хорошо хоть живы...

– Главное, что живы! – Фсбшник только что в пляс не пустился и тут же заорал:

– Нашлись!!!

Родители, которые, похоже, уже мысленно простились со своими чадами, подбежали к оперативникам и буквально вырвали детей из их рук.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – философски заметил вылезший из микроавтобуса водитель.

– Где они были? – хозяйским тоном спросил Арвен, неслышно подошедший к сотрудникам отдела.

– Там. – Пал Палыч махнул рукой в метельную круговерть.

– Ты не шути со мной. – Арвен сжал тонкие губы. – Не скажешь мне сейчас – завтра своему начальству ответишь. Все равно всё знать буду.

– Чего мне с тобой шутить? – пожал плечами Пал Палыч. – Ты мне не сват и не брат.

– Слушай, ты. – Банкир махнул рукой, видимо, подзывая телохранителей. – Ты сейчас поедешь со мной, ясно? Мне надо знать, кто похитил моего сына. Это все очень серьезно. Это вопросы безопасности моей семьи.

Два телохранителя Арвена приблизились к оперативникам. Колька, недолго думая, сунул руку под куртку, крайне довольный тем, что заранее загнал патрон в ствол. А что? С призраком не вышло, так тут, глядишь, пригодится.

– Слушай, отстань, а? – Пал Палыч недовольно посмотрел на Арвена. – Мертвые твоего сына хотели на тот свет увести. Кабы не мы – так и забрали бы.

Арвен хотел что-то сказать, но, поджав губы, только махнул рукой и пошел к машине, в которую уже уселась его жена с мальчишкой на руках.

Через десять минут все разъехались – родители с детьми по домам, Полянский со своими бойцами к себе в контору, и у школы остались только Колька и Пал Палыч.

– Все как всегда, – меланхолично сказал оперативник. – Когда нужны – куда хочешь отвезут и даже вертолет вышлют. Как все сделаешь – даже не вспомнят.

– Да и хрен с ними, – задорно ответил Колька.

Он был изрядно возбужден, что совершенно не удивительно. Не каждый день такое приключение пережить удастся!

– Это да. – Пал Палыч снова подошел к забору, достал из сумки мелок, что-то на нем нарисовал, на том самом месте, где был проход в мир духов. После, подумав, он еще пошептал над рисунком, и тот на секунду полыхнул синим пламенем.

– Вот и все, проход закрыт, – сказал он Кольке.

– Так просто? – поразился тот. – И всего делов?

– Так это только тут. – Оперативник грустно улыбнулся. – Они потом другой найдут, и третий...

– Да ладно? – Колька опечалился. – Вот ведь. И Мастер этот мутный до невозможного...

– Мастер Теней, – фыркнул Пал Палыч. – Повелитель пыли. Таких, как он, в любом лесу под каждым пнем полно, все его владения – три квартала да переулок. Хотя ловкий, сволочь, нас-то он, по сути, сделал.

– С чего бы? – Колька совсем уж опешил. – Мы ж детей спасли?

– И что? – оперативник закурил. – Смотри – он их спёр, силы живой вволю попил, свору свою подкормил и право на месть у нас забрал. Вот и подумай, кто тут дураком выглядит – мы или он?

– Так а зачем тогда? – Колька не слишком внятно сформулировал мысль, но Пал Палыч его понял.

– Имена, – вздохнул он. – Если бы он не отдал их имена, не было бы мальчишкам жизни. А может, не только им, но и их детям. Так что развел он нас, подлюка, и это следует признать. Надо будет архивы покопать, кто это ловкий такой, я его раньше не видал. Права на месть у нас по этому случаю нет, но разузнать подробности об этом гаденыше надо.

– Ага. – Колька кивнул. – Завтра же все перерою.

– Перероем, – потянулся Пал Палыч, зажав сигарету в зубах. – Ты водку пьешь?

– А как же! – Колька заулыбался. – Со всем нашим удовольствием.

– Ну а живешь где? Ехать-то потом далеко?

– В Химках. – Колька преданно посмотрел на оперативника, который захохотал и сообщил ему:

– А я в Медведках.

– И чего? – не понял его Колька.

– Да не бери в голову. – Пал Палыч хлопнул его по спине. – Пошли, обмоем твой дебют, оно того стоит. Есть тут неподалеку одна забегаловка, там и водка нормальная, и еда ничего.

– Я бы мяса съел, – застенчиво сказал Колька.

– Хорошо прожаренного и с гарниром. Таким, знаешь, чтобы картошечка разварная и огурчик соленый, – ответил ему Пал Палыч, и сотрудники отдела 15-К, обсуждая гастрономические темы, направились в сторону Пречистенки.

Глава третья

Дом цвета осени

Нельзя сказать, что Колька ожидал похвалы или там чего-то такого за то, как он себя проявил в деле о пропавших детях. Но чего он совершенно не ожидал, так это того, что вместо благодарности будет строжайшая отповедь, да еще и не ему, а Пал Палычу. Ровнин, узнав о произошедшем, долго отчитывал оперативника, особо напирая на то, что он, Пал Палыч, опытный сотрудник, потащил с собой в призрачную Москву молодого парня, который в отделе сидит если и не на птичьих правах, то уж без году неделя точно. «А что если бы...» – и дальше следовала целая куча предполагаемых бед и несчастий, которые могли свалиться на голову Кольки.

Он было честно попытался вякнуть, что по своей инициативе за Пал Палычем увязался, но слушать его не стали, посоветовав помолчать.

– Пойдем отсюда, Николенька, – услышал он голос Тит Титыча. – Не дело тебе тут сейчас быть.

Колька рассудил, что призрак бывшего сотрудника плохого не посоветует, и тихонько удалился, хотя это было и вне субординации.

На крыльце стоял Герман, смотрел на падающие снежинки – Москву усиленно заметало снегом, видимо, зима компенсировала непрекращающейся метелью абсолютно бесснежный январь, – и курил сигарету.

– Что, чехвостят Пашку? – дружелюбно спросил он.

– Ага, – виновато кивнул Колька. – По полной.

– И правильно. – Герман выпустил кольцо дыма. – А что если бы ты им сдуру имя свое назвал, или, не приведи Господь, заплутал в призрачных переулках? Так бы и бродил по осколкам реальностей до сих пор.

– И чего, не выбрался бы? – у Кольки по коже пробежал морозец, но он смело и отважно решил, что это из-за пронизывающего ветра.

– А кто бы тебе выход показал, сам подумай? – Герман с аппетитом затянулся. – Духи, что ли?

– А как же... – Колька засопел.

– Как, как... Каком кверху, как муж с женой спустя четверть века после свадьбы, – грубовато ответил Герман. – Ровнин за тобой пошел бы туда. Для начала отыскал, а после прилюдно препарировал.

Колька перевел дух.

– А вообще, помни, приятель, одну простую вещь. В наших делах любой прокол частенько, не сказать – всегда, означает смерть. Причем не ту, о которой потом в газете «На боевом посту» напишут, красивую и героическую, а очень и очень нехорошую. Специфика-то у нас вон какая, – веско сказал Герман и выкинул окурок в урну, стоящую на крыльце. – А по жизни ты молодец. Хоть и дрейфил, но пошел за товарищем. Будет из тебя толк, если выживешь.

– Да я и не дрейфил вовсе, – буркнул Колька, но Герман только потрепал его по плечу, коротко хохотнул и ушел в дом.

Колька тоже достал сигарету, размял ее в пальцах и чуть не улетел в сугроб – дверь резко распахнулась, из нее вылетел багровый Пал Палыч.

– Палыч, ты чего? – Колька даже сигарету выронил. – От тебя прикуривать можно!

– А? – Пал Палыч посмотрел на молодого коллегу и рявкнул: – Прикуривать? Ты давай, вообще курить бросай, набрался, понимаешь, где-то всяких привычек вредных! Вон кардио-

хирурги чего говорят? «Уже устали всем объяснять, что курить опасно», а они знают свое дело! Брысь на пост номер один!

– Меня ругают – значит, день прошел не зря, – пробормотал Колька когда-то и где-то услышанную фразу и побрел в дом.

Пробежала неделя, потом еще одна. Колька потихоньку обживался в маленьком особняке в глубине Сухаревки, и хотя его все еще не брали на выезды, а их за это время было целых пять, не считая того, что оперативники постоянно куда-то мотались поодиночке, чужим он себя больше не чувствовал. На следующий день после выволочки Ровнина он нашел на своем столе целую стопку старых дел, датированных еще сороковыми годами прошлого века. Кто ее ему принес, он так и не понял, но то, что надо их прочесть и сделать какие-то выводы, смекнул. Правда, еще имелся вопрос, почему ему дали дела именно сороковых годов, но тут на помощь пришел Тит Титыч.

– А это, Николенька, потому как в те годы, что до войны, что после нее, какой только нечисти на нашей земле не водилось, – пояснил он.

– Ишь ты. – Колька тряхнул верхней папкой и чихнул от поднявшейся пыли. – А что, Гитлер и нечисть на службу призывал, что ли? Я думал, что такое только в дешёвых боевиках можно увидеть.

– Нечисть и нежить никто добром служить заставить себе не может – назидательно произнес призрак – Ну, кроме такой же нежити или сильного колдуна. Но колдун ее сможет неволить только до тех пор, пока произнесенное им заклятие держится.

– Значит, Гитлер колдун был! – подытожил Колька. – Я так и знал!

Бум! В голову ему прилетел маленький валенок.

– Правильно, Аникушка. – Тит Титыч меленько засмеялся, как будто монетки рассыпал. – Самый сильный колдун, о котором я слышал, Серендир Валахский, мог сковывать упыря заклятием не более чем на три часа, а уж ему-то сил было не занимать. А ты говоришь – на службу.

– А как же тогда... – Колька потер лоб. – Вернее – почему? Я все еще о сороковых годах.

– Чуют дети темной стороны кровь, тем более великую, всегда чувт. А коли кровь будет – так и им пропитание сыщется. Ох, сколько же тогда мальчиков и девочек из отдела полегло.

Тит Титыч пригорюнился и шмыгнул прозрачным носом.

– Володичка Овсянников, Петя Швец, Роза Мейер, Гриша Стеклов, – всех не перечислишь.

– На войне? – тихо спросил Колька.

– И на ней, да и после нее, – подтвердил Тит Титыч. – Марина Крюгер вот в самом ее конце погибла, а такие, как она, раз в сто лет рождаются. Любые заклинания распутывать и снимать умела, даже посмертные, а это только очень большим талантам под силу. Но вот, не убереглась...

– А что случилось-то?

Странное дело, Колька вдруг почувствовал некое родство с этими людьми, которые ушли из жизни задолго до его рождения, и от которых сейчас остались только имена, да еще документы в этих старых папках на столе. Но он знал, что они были для него своими, даже несмотря на то, что он их никогда не видел.

– В Белоруссию она отправилась, там ведьмак появился очень сильный, на крови помешанный, с ними такое случается иногда. Детишек повадился таскать, за месяц три десятка душ загубил. И поехала-то одна, в отделе не было никого, на нее его и оставили тогда. Я ей говорил – не надо, подожди день-два, ребятки с задания вернутся, да и не дело двери этого дома на замок закрывать, не любит дом-от этого. Но она упрямая была, ей же всего двадцать третий годок шел. Все вы в этом возрасте такие. «Как так?!» – кричит. – «А если ведьмак тем временем еще чего натворит?!». И уехала.

– И? – Колька даже дышал через раз, уставившись на Титыча.

– Ведьмака она, похоже, нашла, детишки потом не пропадали. Но вот сама не убереглась, погибли они все – и сама Мариночка, и два офицера, что с ней были. Сопровождали ее, стало быть. Как потом Житомирскому объяснили (он тогда отделом руководил), на хутор, где они заночевали, набрел отряд каких-то вражин недобитых, они от них до конца отстреливались, но куда там – этих поганцев почти полсотни было. Сначала офицеры погибли, а после Мариночка себя вместе с врагами гранатой подорвала. А может, и не гранатой, может, заклятием каким, она ведь много чего умела, хоть и молодая совсем была.

Раздался топоток, и в руки Кольке ткнулся пухлый альбом с застешками. Аникушка смотрел на него строго и махал лапками – мол, листай.

Колька открыл фолиант и увидел старинное фото, на котором стоял молоденький офицер, одетый в дореволюционную офицерскую форму с аксельбантами, строго глядящий перед собой и придерживающий правой рукой шашку с темляком.

– Валерий Мирошников, – прошелестел Тит Титыч. – В пятнадцатом году, стало быть, погиб, в Мазурских болотах сгинул. Он с армией Самсонова туда отправился.

Колька листал фотоальбом, смотря на своих предшественников. Они были разные, большей частью молодые, в фуражках, кепках, кителях, смешных пиджаках со здоровенными плечами, в беретиках и накидках, но все очень живые.

– Вот Марина, – прошептал Тит Титыч. – Это она в сорок третьем году фотографировалась.

На Кольку с полуулыбкой смотрела симпатичная кудрявая девушка, с круглыми глазами и ямочками на щеках. Одета она была в солдатскую форму, на высокой груди, которую не скрывали ни гимнастерка, ни фото, у нее висели две медали, обе «За отвагу». Не вызывал сомнений тот факт, что при жизни это была деваха боевая, веселая и на язык острая.

– Потом таких, как она, в отдел не приходило, – печально подытожил призрак. – Вика молодец, но до Марины ей ой как далеко. Да и вообще, отдел только к пятидесятому году более-менее по людям выправился.

– А чего так? – Колька закрыл альбом, который тут же у него отобрал Аникушка и куда-то унес. – Почему новых не набрали?

– Так это дело непростое. – Тит Титыч укоризненно посмотрел на парня. – Поди подходящего-то человека найди.

– Да ладно. – Колька махнул рукой. – Меня вон сюда по разнарядке отправили и...

Второй валенок врезался ему в лоб.

– За что? – возмутился Колька.

– За дурь, – невозмутимо ответил ему Тит Титыч. – Сюда просто так не попадают. Стало быть, подошел ты отделу. Это не начальство сюда назначает, это он сам выбирает себе тех, кто в нем работать станет.

Колька снова потер лоб, решил потом уточнить этот момент у Пал Палыча или Германа, показал язык домовому, подбиравшему свои валенки, и открыл первое дело, датированное сороковым годом.

Дела оказались интересными, ну насколько интересными могут быть пожелтевшие от времени справки, отчеты и протоколы. Но надо отметить, что сотрудники сороковых годов были ребятами со стальными нервами, коли писали такие отчеты по горячим следам. Кольке после некоторых прочитанных дел кошмары снились, он после такого не то что рапортовать о проделанной работе не смог бы, но и стаканом в рот не попал. Если бы не прогулка в призрачную Москву, он бы и вовсе не поверил, что подобное на свете случается.

– Ровнин у себя? – отвлек Кольку от чтения чей-то голос.

Тот поднял глаза и увидел перед собой развернутое удостоверение. Если ему верить, то в отдел пожаловала городская прокуратура в лице старшего советника юстиции Кондратьева.

– Точно так, – отрапортовал Колька. – Наверх и...

– Я знаю, – ответил ему Кондратьев и пошел к лестнице.

Колька посмотрел ему вслед, подумав о том, что, наверное, что-то неладное в городе случилось, коли целый старший советник к Ровнину пришел. И это неладное опять просвистит мимо него. А жаль...

Он погрузился в дело номер 14/19КОВ от 20.06.1941, из которого следовало, что сотрудниками отдела был обнаружен тщательно замаскировавшийся колдун, знатно вредивший московскому народонаселению не один год и, как это ни печально, убитый при задержании. Впрочем, это словосочетание Колька встречал почти во всех делах. Судя по всему, эти ребята особо не церемонились с представителями темной стороны. «Время такое было», – рассудил смекаливый парень.

За этим увлекательным делом он чуть не пропустил уход Кондратьева, тот, кивнув ему, уже стоял у двери.

– Ты новенький? – спросил старший советник, натягивая перчатки.

– Так точно, – ответил, встав со стула, Колька.

– И как тебе тут? – без улыбки поинтересовался Кондратьев.

Колька несколько секунд помедлил, а после сказал честно:

– Необычно. Меня не к такому готовили. Но мне нравится.

Кондратьев понимающе кивнул и вышел из здания.

Колька посмотрел ему вслед и снова углубился в дело, в котором осталось еще несколько непрочитанных документов.

Через некоторое время на лестнице послышались шаги – со второго этажа спускались сотрудники отдела, о чем-то переговариваясь на ходу.

– Совпадения – удел романистов, – послышался голос Ровнина. – Я в них не верю.

– Да и так понятно, что это не случайность, но, с другой стороны, – мы же тогда его так шуганули, что вряд ли он решится... Ну вы помните? – это уже Пал Палыч.

Он, Ровнин, Вика и Герман спустились вниз и стояли около лестницы, причем оперативники и эксперт уже натянули на себя верхнюю одежду.

– Помню я все, но факт есть факт, – рубанул рукой Ровнин. – И, что примечательно – почерк другой. Тот, он расчетливый был, почти год орудовал, не торопился, все продумывал. А тут сразу пять смертей, одна за другой, как из пулемета.

– Значит, есть чего искать, – уверенно сказала Вика. – Невозможно в таком деле не наследить.

– Все, выдвигайтесь на место, – распорядился Ровнин. – Все осмотреть, с кем можно – поговорить. Явно он не успокоится, и если это то, о чем я думаю, то смерти эти не последние будут.

Колька вздохнул – опять какое-то дело, и абсолютно точно, что очень интересное. Но не про него, нос не дорос у него еще до таких высот. Колька залез в ящик стола и достал пакет с бутербродами – время обеденное, а обед, как известно, по распорядку. Жалко вот только лапши китайской по дороге не купил, горячего бы сейчас похлевать.

Ровнин услышал шорох, окинул взглядом Кольку и сказал Пал Палычу:

– Нифонтова с собой возьми, пора его к операциям привлекать. Засиделся парень на месте, скоро вес гнать начнет. Или язву заработает, от сухомятки.

Колька даже и не понял, что о нем речь, доставая из пакета бутерброд с колбасой.

– Николай, елки-палки, ты едешь с нами или жрать будешь? – рявкнул Пал Палыч. – Если да – то пулей одеваться!

Колька на мгновение застыл, а после кинулся к шкафу, где висела его одежда.

– Пошли, – скомандовал Пал Палыч остальным. – А то на его метания смотреть больно...

Когда Колька выскочил во двор, натягивая пуховик, у входа уже гудел мотором отдельский микроавтобус, небольшой, но крепенький «Форд». Водителя отделу не полагалось, а может, он был и не нужен, потому за рулем сидел Герман.

– Сколько вас можно ждать, Николай? – немного надменно сказала Вика, морща точеный носик.

Эксперт по заклинаниям почему-то недолюбливала Кольку, совершенно непонятно отчего – вроде он ей гадостей не делал, денег не занимал, и даже шуток пошлых не говорил. Да и вообще никаких не говорил, робея только при одном ее виде. Колька был парнем самокритичным, и, по его мнению, до такой фифы, как Вика, ему было как до луны на тракторе. Не то чтобы Колька себя в грош не ставил, а просто очень уж она умная да красивая, у него-то девчонки попроще были всегда. Подоступнее.

– Я ж быстро, – пропыхтел он. – Я ж не знал!

– «Я ж, я ж», – передразнила его Вика. – А если война? А если враг нападет?

– Какая война? – пробурчал Колька. – С кем? Чего вы опять...

Вика мотнула головой, как бы предлагая всем полюбоваться на это чудо чудное, но Пал Палыч только погрозил ей пальцем, а Герман уже выруливал со двора.

– Так, подытожим. – Пал Палыч обвел соратников взглядом – Ну и Николая в курс дела введем, он-то вообще не знает, о чем речь идет.

– Паша, ты полагаешь, что он вообще хоть что-то знает? – деланно удивилась Вика. – Ты ему льстишь. Разве что таблицу умножения...

– Вика, да ты никак на нашего юного друга глаз положила? – хихикнул Герман с переднего сиденья. – Вот не ожидал! Ай-яй!

Колька внезапно ощутил тоску по уютному креслу в дежурке, там было поспокойней, чем здесь.

– Что-о-о! – взвилась Вика, ударила головой о потолок микроавтобуса, потеряла ладошкой затылок и, надув губы, стала демонстративно смотреть в окно.

– Герман, я тоже это заметил, но не фокусировал на этом внимание, – мягко пожурил водителя Пал Палыч. – За этим было забавно наблюдать, а ты все испортил. Тьфу на тебя!

– Ну извини. – В голосе Германа было все что угодно, кроме раскаяния. – Лучше еще раз изложи то, что Ровнину прокурорский рассказал.

Как выяснилось из рассказа Пал Палыча, этот Кондратьев был старым приятелем Ровнина и попутно координатором отдела со стороны прокуратуры. Колька уже понял, что в каждом из ведомств МВД был такой человек, который сообщал их шефу обо всех необычных вещах, проходивших по их линии, и таким образом отдел никогда не сидел без работы.

Вот и сегодня Кондратьев пришел в отдел с одним из таких условно-непонятных происшествий. На севере Москвы, в спальном районе, ни с того ни с сего свели счеты с жизнью сразу пятеро человек, причем между собой никак не связанных, не алкоголиков, не сумасшедших, а вполне себе нормальных граждан. И, что самое странное, – все это случилось в течение двух недель, причем все они жили в одном доме, пусть в большом, многоподъездном – но в одном. Способы самоубийств были разные – кто сиганул из окна, кто повесился, кто вены вскрыл, а молоденькая совсем девушка даже газом отравилась, но при всем этом факт того, что это именно самоубийства, никаких сомнений не вызывал.

Прокуратура на пару с сыскарями проверили все мало-мальски значимые версии – секты, черных риелторов, еще что-то, – пусто и глухо. Более того – все эти люди даже не были толком друг с другом знакомы, максимум здоровались, встречаясь в лифте или у подъездов. Да и то маловероятно, народ нынче пошел неприветливый. Он соседей по собственной площадке в лицо зачастую не знает.

Но не сам факт столь странных самоубийств заставил Ровнина срочно высылать туда группу, а то, что случилось несколько лет назад. Тогда на «Речном вокзале», не так уж далеко от

места, куда сейчас ехали сотрудники отдела, уже имел место быть аналогичный случай. В одном из домов началась подобная цепочка самоубийств, правда, не столь скоротечных, тогда это длилось почти год, но и жертв было больше – восемь. Может, оно бы и дольше продолжалось, но у кого-то хватило ума подключить отдел, и Вика довольно быстро обнаружила след заклинания. Но след – не преступник, его в машину не затолкаешь. А вот злодей оказался расчетливый, хитрый и явно сведущий в магии, причем такой, что чернее некуда. Он забирал жизненную силу самоубийц, а это страшное и очень скверное дело. Еще большую поганость придавало ему то, что этот злодей, скорее всего, сам и доводил людей до греха.

– А это как же такое возможно? – удивился Колька.

– Возможно, Николай, почти все. – Пал Палыч вздохнул. – Вопрос в другом, в том, как это пресечь.

След заклинания, который увидела Вика, в результате толком никуда и не привел – был он старый и терялся за пределами квартиры последнего по времени самоубийцы. Не худо было бы посадить засаду, но где ждать этого колдуна – неясно, в доме том десять подъездов было. Да и сколько по времени ждать придется – тоже непонятно. Но и так это дело оставлять никак нельзя было, и тогда Ровнин принял решение использовать один из артефактов, хранящихся в отделе.

– У нас и артефакты в отделе есть? – воодушевился Колька. – Круто. А чего мне их не показывали?

– Потому не показывали, что любопытства у тебя много и руки ты тянешь куда не надо постоянно, – подал голос Герман. – Да ладно, не дуйся. Мне тоже не все показывают.

– Я так думаю, что все их из нас только Ровнин видел, – согласился с ним Пал Палыч. – И то не факт.

В данном случае работали с артефактом, который носил кодовое название «Двойное зло» – подлинных названий никто не знал, как зачастую и изготовителей этих устройств. Впрочем, со слов Германа, в некоторых случаях было неясно даже, что предмет вообще делать может. «Двойное зло» экстраполировало вред заклинания на самого заклинателя, причем с нанесением тому двойного предполагаемого урона. Поле действия артефакта было не так уж велико, но вполне достаточно для дома, где происходили массовые самоубийства, и откуда в разные стороны уже начали разъезжаться напуганные жильцы.

Спустя пару недель артефакт сработал, это определили по его внешнему виду – в заряженном состоянии он выглядел как огромный кусок хрусталя, в опустошенном больше напоминал обычный булыжник.

С тех пор о злобном колдуне ничего слышно не было, хотя Ровнин очень расстроился, что не удалось его прищучить. Тем не менее, самоубийства прекратились, и район зажил своей привычной жизнью. И вот на тебе – опять почти то же место, такие же признаки, разве только что дом другой. Хотя – не только дом. Почерк преступника другой, пять человек за две недели – это вообще за гранью понимания. И нахальства.

– Так, может, это не он, может, кто другой? – предположил Колька.

– Может, – согласился Пал Палыч. – Доедем – посмотрим.

Кончики Колькиных пальцев внезапно обдало холодом. Он удивленно завертел головой и увидел в окне какую-то черную громаду недостроенного здания.

– Елки-палки, – раздалось с водительского места. – Вот тебе и раз.

– Вика? – Пал Палыч глянул на девушку, которая массировала виски.

– Как молотком ударило, – скривилась та.

– А это чего? – Колька глянул на оперативника.

– «Амбрелла», – сказал тот. – Ховринская больница, проклятое место. Опять, стало быть, она ожила. Когда ее снесут уже?

– Может, снова сатанисты чуют? – предположил Герман.

– Может, – вздохнул Пал Палыч – А может, и нет. И стоит же такая гадость на земле, как гнойник какой-то.

– Я до лета туда не полезу, – категорично заявил Герман. – Ну нафиг, там даже без всякой нечисти ногу можно сломать. Провал на провале, и арматура везде понатыкана.

Колька посмотрел в заднее окно, в кружении снежинок шестиугольный силуэт удаляющейся больницы смотрелся на редкость зловеще.

Вскоре автобус затормозил, и Пал Палыч раздал финальные указания.

– Так, Герман. На тебе старушки – божьи одуванчики, они тебя любят, пользуйся этим. А мы идем за участковым, и дальше отправимся по квартирам самоубийц. Если что интересное будет – сразу звони.

Участкового удалось найти быстро, это был замученный жизнью и вчерашним похмельем мужичок лет сорока пяти, в криво сидящей форме.

– Вот же проклятый район, – жаловался он на жизнь сотрудникам отдела. – Что ни год – одни напасти. То одно, то другое, теперь вот это.

За разговорами они подошли к дому, Колька, задрав вверх голову, посмотрел на его верхние этажи. Дом как дом, цвет у него, правда, какой-то печальный – темно-желтый, осенний.

«Тут почти все дома в такой цвет покрашены, – подумал он. – Да и улица такая же, осенне-невеселая».

Только войдя в квартиру последнего самоубийцы, Вика сразу заявила:

– Не пустышка. Четкие эманации заклинания, причем мерзкого до невозможности. Сразу могу сказать, что заклинатель идиот. Он с той стороны помощь призывал, это видно по оставшемуся следу.

– Чего призывал? – не понял участковый.

– Не берите в голову, – успокоил его Пал Палыч. – Это наша коллега шутит. Идите пока, покурите, мы тут поработаем.

– Нашли время и место для шуток, – буркнул участковый и покинул помещение.

Пал Палыч сделал страшные глаза, глядя на Вику. Та, впрочем, и ухом не повела, вышагивая по квартире.

– Повторюсь – след отчетливый, – сообщила она через пару минут. – Заклинание это я не знаю, скажу только, что очень сильное и очень старое, при этом сплетено грубо. Скорее всего, читал его дилетант, не понимающий, с кем именно он имеет дело. Как он жив-то до сих пор?

– Сама же сказала, что он идиот. Дуракам везет, – поддел эксперта Пал Палыч. – Куда след ведет?

Вика повертелась по квартире и с удивлением сказала:

– Никуда. Он только здесь есть, за пределы квартиры не выходит.

– Не понял, – удивился оперативник. – Это заклинание прямо здесь творили?

– Не может этого быть. – Вика замахала руками. – Тут рунный круг тогда должен быть, чтобы сущности с той стороны сразу заклинателя не сожрали.

Колька в этот разговор не лез, хотя смысл его улавливал.

– Хрень выходит, – почесал затылок Пал Палыч.

– Однозначно, – согласилась Вика.

В остальных квартирах была та же картина, с той разницей, что след был слабее, а то и вовсе еле различим.

Через пару часов оперативники собрались у автобуса, чуть поодаль, злобно зыря на них, топтался участковый.

– След есть – зацепок нет, – мрачно сообщил всем Пал Палыч. – Ну если только Герман нас не порадует. Гера, что у тебя?

Герман с чувством превосходства окинул взглядом коллег и, задрав нос, сообщил:

– Есть кое-что. Пока вы по этажам шныряли, я с бабой Леной познакомился, той, что со второго этажа. Чудная старушка, вымирающий вид. Когда такие исчезнут, то с кем работать будем?

– Наблюдательница? – обрадовался Пал Палыч.

– Она, – кивнул Герман. – Кто пришел, кто ушел, кто в лифте сикает, кто шалава – все знает.

– А что еще знает? – Пал Палыч потер нос ладонью. – Не тяни!

– Про уже покойных много чего, но это не главное и не слишком нужное, другое слушайте. Когда второй чайник допивали, она мне поведала, что банкир-ворюга Старовойтов, тот, что с четвертого этажа, сам не свой второй день. Раньше-то чуть свет на работу бежит и возвращается за полночь, а тут, как алкаш какой-то прямо, вторые сутки водку хлещет.

– С чего бы это? – сузила глаза Вика. – Ой как странно!

– Вот и баба Лена не понимает, – кивнул Герман. – А он ей не рассказывает. Она со всей душой сегодня с утра к нему подошла, когда тот из магазина с водкой брел. И что вы думаете? Банкир так её по матушке послал, что баба Лена до сих пор в шоке.

– Так если он серьезный финансист, куда его охрана смотрит? – удивился Колька.

– Приятель, ты в себе? – повертел пальцем у виска Герман. – Вокруг посмотри, откуда тут серьезным людям взяться? Пробил я его уже, этот Старовойтов начальник валютного отдела в небольшом банке, квартира куплена в ипотеку. Таких банкиров по округе как грязи.

– Так, может, на работе проблемы? – предположил Пал Палыч. – Документы какие пропали, вот он и забухал? В преддверии неминуемой расправы? Банки-то сейчас капитально под нготь загоняют.

– Ну это уже вне компетенции бабы Лены, – развел руками Герман. – Пошли к нему, да все и узнаем из первых рук. Других вариантов все равно нет. Только погодите минутку, я за микроавтобус отбегу – все-таки мы со старушкой два чайника выдули!

Банкир открыл дверь своей этажной секции тогда, когда надежда на это уже пропала, а звонок уже не звонил, а еле курлыкал.

Перед оперативниками стоял, покачиваясь, мужчина лет тридцати. С рыжей щетиной, в заляпанной пятнами когда-то довольно дорогой сорочке и в трениках.

– Колоритен, – оценил его Герман. – Красив. Пошли, пообщаемся.

– Вы кто? – промычал мужчина.

– Мы... – начал было Герман, видимо, собираясь выдать очередной перл. Но Пал Палыч не дал ему это сделать, сунув мужчине под нос удостоверение.

– Майор Михеев, главное следственное управление ГУ МВД России по городу Москве. Позвольте нам войти.

Мужчина сделал мужественную попытку протрезветь, вроде даже попытался выдать что-то про ордер и адвоката, но после махнул рукой и побрел в свою квартиру. Оперативники тут же двинулись за ним.

– Есть след, – заявила Вика, едва перейдя через порог. – Совсем свежий.

– Стало быть, не зря ты чай пил, – сообщил Пал Палыч Герману. – В цвет вышел.

– Или! – гордо ответил ему Герман.

А вот попытки разговорить банковского служащего к успеху не привели – он отказывался трезветь, знай только плакал да бессвязно причитал, все поминая какую-то Ленку, тварь такую, белобрысую.

– Да пес с ним, – минут через двадцать махнул рукой Пал Палыч. – И так все ясно – ему давят на психику, видать, с этой Леной что-то не то у этого буржуина вышло, и таким образом к суициду подводят. Его сейчас в петлю любой из нас, если по уму разговор повести, может отправить. Плюс стрессы на работе, то есть неслабый многолетний прессинг на мозги.

– Вот так в три дня люди и ломаются, – закончила его мысль Вика. – Только все равно непонятно – почему след только до двери, а?

– Не знаю. – Пал Палыч пожал плечами. – Колдуны на месте тоже не стоят, прогресс и все такое... Ладно, по расстановке. Герман, дуй за аппаратурой,

Через полчаса Кольке был выдан микрофон с наушником, маленький совсем, он таких даже в кино не видел, и изложены инструкции.

– Я так думаю, что нынче ночью к нашему финансисту гости пожалуют, он до кондиции уже дошел. Стало быть, вот тогда мы узнаем, что к чему, – уверенно сообщил ему Пал Палыч. – Теперь ты, Николай. Дуй на черный ход, этаж на двенадцатый, чтобы быть аккуратно посередине подъезда, и жди там сигнала. Когда начнется, Вика этого хмыря вычислит, и тогда ты пулей летишь туда, куда я скажу.

Дом был, конечно, неплохой – признал Колька, обосновавшись на лестнице. Черный ход был теплый, стекла в окнах были на месте и мочой не пахло, не то что в той двенадцатиэтажке, где он квартиру снимал. Там он за то время, что ждал команды, сто раз бы околел.

И, понятное дело, очень скучно было. Колька и пистолет собрал-разобрал несколько раз, и в телефон поиграл, остановившись только тогда, когда значок батарейки покраснел, и даже послушал болтовню каких-то влюбленных, целовавшихся этажами тремя ниже.

На Москву опустилась ночь, влюбленные ушли, лифты почти перестали шуметь за стеной – жильцы укладывались спать.

Кольку тоже потянуло в сон, он моргал все чаще, то и дело сидя с закрытыми глазами по минуте-другой.

– Восемнадцатый этаж, прямо тут, в этом подъезде! – рявкнуло внезапно в ухе. – Бегом, Коля, бегом! Герман, ты нужен здесь, не дай этому придурку в окно сигануть, в крайнем случае, по башке ему вдарь! И еще – амулет на тебе?

– На мне, – послышался голос Германа. – Никак гости пожаловали?

– Они.

Разговор Колька дослушивал, уже несясь прыжками вверх, перепрыгивая по три ступеньки за раз.

На этаже стояла очень серьезная и бледная Вика, которая приложила указательный палец правой руки к губам, а левой показала на одну из квартир на этаже. Она, кстати, отличалась от других, вместо привычной для Москвы металлической двери тут была простая, обычная, деревянная, обтянутая дерматином.

С шипением раскрылись створки лифта, из него вышел сосредоточенный Пал Палыч, который сразу глянул на Вику. Та и ему указала на дверь.

– Отлично, – негромко сказал оперативник. – Это не металл, вскрывать не надо, так вышибем, плечом.

– Без санкции? – удивился Колька. – Нас же УСБ³ потом...

Пал Палыч ухмыльнулся и как-то невероятно ловко нанес удар ногой в центр двери, после которого она распахнулась, осеяв все вокруг деревянной трухой. В руке у оперативника блеснула сталь, и, шагая как-то по-кошачьи, но при этом очень быстро, оперативник скользнул в квартиру.

Вика глянула на Кольку и нехорошо улыбнулась. Тот понял природу улыбки и, вынув пистолет, проследовал за оперативником.

– Вы не имеете права! – услышал он визгливый голос, как только вошел в квартиру. – Кто вы вообще такой?

³ УСБ – управление собственной безопасности. Подразделение ЦА МВД, предотвращающее и выявляющее преступления, совершенные сотрудниками органов внутренних дел.

– Я смерть твоя бессмысленная. – Таких ноток в голосе Пал Палыча Колька сроду не слышал. – Вероятнее всего – крайне мучительная.

Колька вбежал в комнату, там он увидел оперативника, держащего на прицеле неопрятно одетого молодого человека, стоящего в круге, начерченном на полу то ли мелом, то ли краской. По краям круга были расставлены горящие свечи, возле каждой из них был нарисован причудливый значок.

– Дай сюда заклинание, тварь, – грозно сказал Пал Палыч. – Дай по-хорошему!

– Да сейчас! – оскалился юноша. – Так я и выйду отсюда, жди! И вообще – у меня есть права, покажите мне документ, на основании которого...

– Это он, – негромко прозвучал голос Вики. – Точно он. А вот почему мы не могли увидеть след.

Девушка показала пальцем на один из знаков.

– Здорово сделано, очень оригинальный защитный круг, – отметила она, несколько раз фотографируя его на телефон. – Кто же такой придумал? Это точно не ты, в тебе нет магического дара.

Молодой человек пакостно улыбнулся.

– Кто надо – тот и придумал. Я повторяю свой вопрос – вы вообще кто?

– Туповат ты, приятель, – влез в разговор Колька. – Тебе же объяснили.

И он передернул затвор пистолета. Ну вот нравилось ему им лязгать.

– Ой, не пугай. – Юноша махнул рукой с зажатой в ней бумажкой. – Господа полицейские, сразу ставлю вас в известность, что я вообще не гражданин вашей страны, у меня подданство другого государства. И если вы меня хоть пальцем тронете...

– Кто. Писал. Заклинание. – Лицо Пал Палыча перекопилось, и похоже, что эти гримасы так проняли наглого юношу.

– Брат мой, – нехотя ответил он. – Он тут уже был несколько лет назад и рассказал мне зачем. А я что, хуже? Я тоже хочу долго жить, вот у него все и выяснил, когда он в запое был. Он сначала ерепенился, а потом рассказал, когда я ему опохмелиться не давал.

– Где он сейчас? – оперативник опустил руку с пистолетом.

– Где, где... – Лицо юноши перекосилось завистливой гримасой. – В Голландию уехал, там жить будет, надоело ему у нас.

Вика и Пал Палыч переглянулись.

– Еще раз тебе предлагаю – отзови силы и отдай нам заклинание. По-хорошему прошу, в последний раз.

– Еще раз тебе говорю – иди ты знаешь куда. Доказать вы ничего не сможете и даже задержать меня не вправе. Кто вам поверит?

Юноша расхохотался.

— А нам и не надо доказывать. Вика, Коля, на выход, быстро.

Вика немедленно вышла в коридор, буквально через пару секунд цоканье ее каблуков послышалось уже на этаже. Колька тоже вышел из комнаты, залитой свечным светом, зачем-то обернулся и увидел, как оперативник, нехорошо улынувшись, стирает ботинком один из знаков около свечи и еще часть круга рядом с ней.

– Ты что делаешь!!! – раздался голос юноши, в котором наглость сменилась диким ужасом, огоньки свечей колыхнулись...

Дальше Колька не видел, поскольку его буквально вынес в коридор Пал Палыч.

– Ты чего застрял? – жестко спросил он Кольку, закрывая дверь, из-за которой слышалось какое-то сопение и повизгивание. – Сказал же – уходи.

– Поехали, – раздался жалобный голос Вики, которая уже стояла в лифте. – Пожар-а-лгүйста.

Девушка была очень бледна, под глазами обозначились тени, она держалась руками за виски, а ее сумочка валялась на полу кабины.

– Не ждала бы нас, малышка. – Пал Палыч нажал на кнопку с единицей. – Тяжко?

– Ох, – ответила ему Вика.

На улице она немного порозовела, а после глотка коньяку из фляжки, которую ей протянул Пал Палыч, и вовсе отошла.

– Герман, – тем временем произнес Пал Палыч. – Ты все понял?

Видимо, тот ему что-то ответил, поскольку Пал Палыч продолжил:

– Там, я так думаю, тоже все уже закончилось, гости с той стороны тянуть не станут. Тебе надо пойти в квартиру и забрать заклинание, оно было у этого идиота в правой руке. Только осторожней, мало ли кто там решил задержаться.

– А кто это был? – спросил Колька у оперативника, поняв, что тот уже закончил разговор с напарником.

– Ты сейчас про кого? – не понял его Пал Палыч. – Про этого идиота?

– Да с идиотом как раз все понятно, – махнул рукой Колька. – Кого он призывал-то и зачем? Ну про зачем я догадываюсь...

– Это сущности из других измерений, их в старину частенько принимали за слуг ада, – пояснил оперативник. – Этот дурак призывал их и заставлял влиять на психику людей, чтобы те кончали жизнь самоубийством. Ну а заклинание позволяло ему забирать себе непрожитые годы покойных бедолаг. Этому колдовству знаешь, сколько лет? Сен-Жермен, Калиостро – я так думаю, что они ходили той же дорожкой.

– Но его брат хорошо над формулой заклинания поработал, – заметила Вика. – Завтра же засяду за него, очень любопытно. И вот еще – почему именно здесь этот прыщавый упырь обосновался, почему не в другом месте или даже не в другом городе?

– Не знаю, – пожал плечами Пал Палыч. – Энергетика, «Амбрелла», память места... Не знаю.

– А с этим дураком что? – спросил Колька.

– А с дураком все, – ответил ему Пал Палыч. – Кстати, вот и Герман.

Герман подошел, протянул оперативнику бумажку и утвердительно кивнул головой.

– Совсем все, – закончил фразу Пал Палыч. – Этим сущностям человека с ума свести всегда в радость. А уж душу призывателя сожрать для них вообще праздник, и как по мне – поделом ему, паскуде. Все равно бы этот гость столицы не угомонился, не здесь пакостил бы, так еще где-нибудь. Или ты считаешь, что мы не правы?

– Нормально все. – Колька сплюнул на снег. – Убит при задержании, обычное дело.

Глава четвертая

«Склиф»

Потом, конечно, Колька о том случае много размышлял – и так его крутил в голове, и эдак. Но по-любому выходило, что правильно все они сделали – и злодея этого Пал Палыч по делу в расход пустил, и он, Колька, все верно сказал. Только в одном он не был уверен – вышло ли бы у него самого сделать ту работу, что выполнил оперативник? Не струхнул бы он в последний момент? Не мог пока Колька себе ответить на этот вопрос, что немного его раздражало. Даже с Тит Титычем своими сомнениями поделился, за последнее время с призраком бывшего сотрудника отдела Колька как-то сдружился.

– Э, Николенька, – протянул Тит Титыч. – Смертоубийство – это такая штука, что никогда наперед не скажешь, сумеешь ты чью-то жизнь забрать или же нет. Если, не приведи Господь, случится у тебя подобная ситуация, то ты мигом поймешь, что делать. Там ведь как? Либо ты человека убей, либо он тебя к ангелам в хор определит. Вот тут-то ты в душе своей выбор и сделаешь, а там как Бог даст. В смысле – кто из вас двоих ловчее да быстрее окажется.

– Да я про другое, Титыч. – Колька посопел немного и продолжил: – Тут ведь Палычу-то ничего не угрожало, он же этого паразита хладнокровно приговорил. Нет, за дело, вопросов нет. Я так думаю, что даже мало этой сволочи досталось. Но вот смог бы я так? Если бы мне приказали?

– Ты Павлушеньку в том возрасте, в котором ты сам сейчас пребываешь, не знал, – хихикнул старичок. – Как сейчас помню – пришел молоденький, глазастый, краснел по любому поводу. У нас тогда такая девушка Эльвира служила, в оперативных чинах пребывала. Ох, огонь-девка была, что ты! И все его подначивала. То пуговку где не надо расстегнет, то место, где чулки заканчиваются, покажет, и всё вроде бы как случайно. Павлушенька и глаза отводил, и краснел...

– И чем дело кончилось? – Колька тоже захихикал, представив всегда собранного и жесткого оперативника робким и смущающимся юношей.

– А потом Эльвиру эту гуль порвал, – буднично сказал Тит Титыч. – Где-то в Кунцево, в складской зоне. Кто-то его контрабандой в Первопрестольную привез, так и не докопались потом кто, хотя землю носом рыли. Ох, как он ее постругал, когти-то у этой твари будь здоров какие, что ножи. Да ты же, поди, в справочнике фото его сам видел. Паша гуля упокоил, сжег, как полагается, а после тело Эльвиры в машине привез. Вот за то время, что от Кунцево до нашего дома ехал, он из юноши мужчиной и стал. Видно, много чего передумал, много чего понял.

– Дорогая наука, – задумчиво сказал Колька. – Уж очень недешево ему это становление далось.

– Дай-то Бог, Николенька, чтобы твое взросление дешевле вышло. – Тит Титыч перекрестил Кольку. – Я-то только рад тому буду.

Во дворе послышался шум, хлопнула дверь машины.

– Опять этот генерал приехал. – Тит Титыч скривился, будто гнилой орех раскусил. – Попомни мои слова, Николенька – много нам через него неприятностей будет, плохой он человек.

– Генералы хорошими не бывают, – философски ответил призраку Колька и вскочил с места, вытянувшись по стойке «смирно». И причина тому имелаась.

Когда генерал-майор Илюшкин приехал в отдел в прошлый раз, Колька, привыкший к определенной демократии и по этой причине порядочно избаловавшийся, при виде данного армейского чина даже не подумал встать со своего места, чем его невероятно взбеленил.

Генерал орал на него минут десять, и весь отдел сбежался на это посмотреть. Женщины сочувствовали пунцовому от стыда Кольке, мужчины хмыкали, глядя на ревущего матерные тирады генерала, и уважительно качая головами при наиболее крученых извивах ненормативной лексики. Ровнин же внимательно досмотрел всю сцену до конца, не выражая никаких эмоций, после чего ушел в свой кабинет.

Разделавшись с Колькой, генерал было попробовал перекинуться на оперативников, но они синхронно поправили наплечные кобуры и плотоядно улыбнулись. Генерал скрипнул зубами, поправил седые волосы, положил щеки на погоны и важно прошествовал в кабинет начальника отдела, откуда через несколько минут выбежал с гримасой ярости на лице. О чем он говорил с Ровниным, что хотел узнать или что предлагал – это осталось тайной для всего отдела.

Не желая повторной позорной экзекуции, Колька вытянулся до хруста связок и придал лицу отсутствующее выражение.

– Боец, Ровнин у себя? – в прихожую ввалился тучный генерал с очень недовольным лицом и сдвинул каракулевую папаху на затылок.

– Так точно, – рявкнул Колька. – Прикажете доложить?

– Вот еще! – фыркнул Илюшкин. – Пусть вообще радуется, что я сам к нему приехал, а не к себе вызвал.

Пыхтя, генерал начал подниматься по лестнице, гулко впечатывая каждый шаг в ступеньки.

– А врет вояка-то, – шепнул на ухо Кольке невидимый Тит Титыч. – Попытался он Олега к себе выдернуть, да тот ему от ворот поворот дал.

– Это как? – удивился Колька, усаживаясь обратно на стул.

– Как, как! – захекал старик. – Сказал ему, что, мол, «Когда я перейду в ваше ведомство, тогда и будете меня к себе вызывать, а до той поры я сам буду решать куда, когда и к кому мне ехать». И трубку положил.

Колька довольно покрутил головой – так этому мордату генералу и надо. Защитник, блин, Родины. По багровой щекастой роже видно, что он одну только Родину защищает, ту, на которой его коттедж стоит и иное имущество, пусть даже и записанное на жену. А всю остальную часть Отчизны он с радостью либо продаст, либо сменяет на что-нибудь для себя полезное, но жизнь за нее уж точно класть не станет. Оно и понятно – это же бесплатно, то есть – невыгодно...

Этот визит Илюшкина закончился так же, как и прошлый – наверху погромыхал его голос, а минут через пятнадцать вниз по лестнице спустился сам генерал, опять бордовый от распирающего его гнева и с выпученными глазами.

Около двери он развернулся, обозрел вновь вытянувшегося Кольку и посоветовал ему:

– Ищи себе новое место службы, сынок, поскольку эту дыру я скоро бульдозерами с землей сровняю. А Ровнина вашего я «закрою», причем на такой срок, что мало ему не покажется. Он думает, что со мной, с Илюшкиным, вот так можно разговаривать и это ему сойдет с рук? Мы, старые служаки, народ простой – коли нас не уважил, будь готов к тому, что зубы в горсть собирать придется!

И разъяренный военный покинул отдел.

– Как бы он и впрямь не насвинячил Олегу Николаевичу, – почесал затылок Колька.

– Да ну, пугает только. – Тит Титыч снова стал видимым. – Те, которые страшат, они не опасны, это как собаки, что телегу облаивают. Пес лает – а телега едет. Вот кабы он с улыбочкой с нашим Олегом Николаевичем попрощался, да таким же макарончиком тихонько отсюда вышел – вот тогда бы страшно было. А этот, он как самовар – пыхтит, пыхтит, а что толку... Разве только что удар его хватит, но это вряд ли. Такие как он, по земле долго ходят, на беду хорошим людям.

– Да и как он нашего шефа закроет? – раздался голос Германа, который неслышно подошел к Колькиному столу. – Кабы этот барбос по внутренней службе шел, ну или хотя бы по налоговой линии – тогда ладно. А армейские нам по барабану.

– Я за Олега Николаевича волнуюсь, – пробурчал Колька – Не за себя.

– Ну, полагаю, что он свои проблемы решит сам, – заметил Герман. – А ты, мой юный друг, собирайся, хорош тебе архивную пыль глотать да нормативку изучать. Нынче тебе при моей особе в качестве верного оруженосца состоять. Ох и хлебнешь ты сегодня со мной вольного воздуха практических занятий! И место-то нам какое нынче для выезда перепало, а?

– Какое? – Колька от любопытства аж глаза выпучил.

– У, брат! – Герман зажмурился, вроде как от удовольствия. – Мы едем в «Склиф»!

– Батюшки-святые! – всплеснул руками Тит Титыч. – Никак, опять масоны?

– Какие масоны, Титыч? – хохотнул Герман – Откуда им взяться? Серьезные «вольные каменщики» вымерли уже давным-давно, как мамонты. А те, которые остались, это не масоны, а так... Они что-то вроде геральдических контор, которые за небольшую денежку тебя хоть князем, хоть герцогом сделают. Шапито, одним словом.

Колька не стал дослушивать диалог оперативника и призрака, метнулся за курткой и шапкой, сунул ноги в сапоги, лязгнув дверцей сейфа, достал из него пистолет и запасную обойму (в очередной раз подивившись простоте местных нравов. Впрочем, он уже начал понимать, что в этом доме пропасть просто так ничего никуда не может) и встал у входной двери, ожидая Германа.

– Так что, Титыч, бросай ты свои давно устаревшие воззрения, – назидательно закончил свою тираду оперативник. – Нет никаких масонов в наше время.

– Не говори «гоп», – посоветовал ему старик и истаял в воздухе.

– Не переубедишь его, – махнул рукой Герман. – Они тогда, в девятнадцатом веке, знали только трех основных врагов – масонов, Кадудаль да киевских ведьм. Золотые времена, обзаводиться можно...

Колька был не в курсе, кто такой Кадудаль, чем именно прославились киевские ведьмы, да и про масонов он тоже мало чего знал, но послушно покивал головой.

– А там, куда мы едем, чего случилось-то? – спросил Колька у Германа, когда они залезли в микроавтобус, причем оперативник, как обычно, сел за руль.

– Народ там помирать начал. – Герман уселся поудобнее, приоткрыл окошко, вдохнул стылого февральского воздуха, закурил, и только после этого завел машину. – За полторы недели восемь человек, все от сердца и чуть ли не в одной палате. Отдельно отмечу – абсолютно самостоятельно богу душу отдали, без хирургического вмешательства.

– Так место такое, – удивился Колька. – Это же больница, вот народ и мрет.

– Есть такое. – Оперативник вырулил со двора в переулок, а после на Сретенку. – Но когда эти смерти идут серией, да еще и с одинаковыми признаками – это, знаешь ли, заставляет задуматься, и не только о вечном. И потом – нам сказали отработать, мы взяли под козырек.

– Их кто-то убивает? – у Кольки загорелись глаза.

– Не факт, но когда речь идет о больнице с таким богатым багажом прошлого, как у «Склифа», то все надо десять раз проверить. – Герман резко тормознул и ударил по сигналке руля. – Вот же, блин, как людям жить-то не хочется!

Колька поднялся с пола машины, на который его сбросило экстренное торможение, потер лоб, которым обо что-то приложился, с долей уважения проводил глазами отважную старушку, из-за которой чуть авария не случилась и которая еще погрозила Герману кулаком, а после поинтересовался:

– А чего мы пешком не пошли? Здесь дороги на десять минут.

– Если есть транспорт – надо его использовать, – назидательно сказал Герман. – Ибо нефиг ему просто так стоять на месте.

Колька промолчал, хотя по его глубокому мнению на своих двоих все равно быстрее бы вышло.

– Вот, Николай. – Приткнув микроавтобус в переулке, Герман подвел Кольку к главному входу больницы. – Это, собственно, и есть «Склиф», место легендарное и достославное. Историческая достопримечательность города, между прочим.

– Да я тут был. – Колька шмыгнул носом. – У нас здесь по судебной медицине...

– А, ну да. – Герман двинулся к входу. – Я и забыл совсем, что сюда курсантов водят на практикум. И как, сильно тебя забирало в морге по первости?

Колька промолчал, поскольку хвастаться было особо нечем. Тогда, в прозекторской, пропахшей формалином и еще невесть чем, он чуть не сомлел. Впрочем, из его группы только двое держались бодрячком в данном невеселом месте, но это была пара курсантов, которые до учебы успели послужить в «горячих точках», и их напугать или удивить чем-либо было крайне затруднительно. Надо отдельно отметить, что они вообще существовали наособицу от группы, ни с кем не сходясь и особо не рассказывая, где были и что видели. Даже после получения дипломов не пошли с курсом выпивать в ресторан, как-то незаметно исчезнув из зала, где происходила церемония.

Колька помотал головой – было-то все это вроде как вчера, а уже столько времени прошло. Вот так и старость нагрянет – не заметишь...

– Да, брат. – Герман остановился у колоннады и толкнул задумавшегося юношу в бок. – Вот про это Титыч речи свои и вел.

Оперативник ткнул пальцем вверх, Колька задрал голову и увидел исключительно красивую лепнину на фронтоне здания – какую-то золотую штуку и множество линий, расходящихся от нее в разные стороны.

– Здорово, – шмыгнул он носом. – А что это за красота такая, и при чем тут Титыч?

– Матчасть учить надо, стажер, – отметил Герман и добавил в голос менторских ноток. – Это не просто так красота, это самые что ни на есть настоящие масонские знаки, которые свидетельствуют о том, что данный дом есть приют для «вольных каменщиков». Ты, ленивый и нерадивый отрок, сейчас лицезришь всевидящее око Великого Архитектора Вселенной, оно же «лучезарная дельта», а также лучи, исходящие от него, что есть вечное сияние мудрости. Проникся хоть?

Колька еще раз глянул на лепнину, пожал плечами и честно сказал:

– Холодно. Особо не проникнешься.

– Твоя правда, – согласился Герман. – Пошли внутрь, перед встречей с врачом кофейку хлобыстнем. А по масонским местам я тебя весной покатаю. «Склиф» – это так, семечки. Вот в некрополе Донского монастыря есть на что глянуть. Дом Пашкова, опять же...

– А масоны – они есть? – чуть позже спросил Колька у оперативника, который с явным удовольствием держал горячий стаканчик с капучино и, блаженно улыбаясь, отхлёбывал из него сладкую жижу. – Ну на самом деле, прямо сейчас?

– Вот прямо сейчас? – в своей обычной полуироничной манере ответил вопросом на вопрос Герман. – Здесь?

– В принципе, – не стал обижаться на него Колька.

Он вообще был очень терпеливым парнем, его трудно было вывести из себя. Из-за этого его даже как-то раз девушка бросила, сообщив напоследок: «Да ты как рыба снулая, с тобой не крикнешь, не поскандалишь, душу не отведешь. Неживой ты».

– Пес их знает, – уже серьезнее ответил ему Герман. – Я не встречал. Да и не шкодили они по нашему профилю никогда. На моей памяти – точно. У них другие цели всегда были и другие методы, не имеющие отношения к тому, что мы делаем. Так оно с самого начала повелось, я читал. Это потом про них всяких сказок напридумывали, про жертвоприношения, про

поклонение рогатому. А на деле не было. Я полагаю, что это романисты подобных рассказов накрутили. Да и Брюс вроде тоже к ним отношение имел, так что...

Колька не в первый раз заметил, что работники отдела без особой нужды не упоминают имени извечного врага Бога, пользуясь синонимами. Видимо в этом был некий смысл, по крайней мере, он себе это на заметку давно взял и перестал чертыхаться.

– Было вкусно, но мало. – Герман, как баскетболист, навесом, отправил коричневый стаканчик в мусорное ведро и хлопнул в ладоши. – Ну что, мой верный Санчо, пошли, узнаем, что тут происходит, отчего тут люди не выздоравливают, а, наоборот, отбывают в Великое Ничто?

Колька хотел было снова упомянуть о том, что тут и место такое, которое для подобных вещей предназначено, но промолчал.

Герман подошел к стойке регистратуры, за которой находилась миловидная женщина средних лет с бейджиком «М.А.Беляева, регистратор», и, лучезарно улыбнувшись, обратился к ней:

– Скажите, милая М. А. Беляева, вам сегодня уже сообщали, что вы прекрасны, как утренняя заря, и что вы одной улыбкой в состоянии оживить унылую и темную чашу любой заблудшей души?

– Четырнадцать раз, – безразлично и без улыбки ответила сотрудница больницы. – Причем два из них на иностранных языках – один раз на таджикском, другой – на узбекском.

– Печаль-досада, – погрузился оперативник. – Вот так удалцы из очень Средней Азии и утаскивают в свои кишлаки самое большое достояние нашей необъятной Родины, а мы потом локти себе грызем.

– А вы нанесите ответный удар. – Похоже, что у работницы регистратуры были ответы на все вопросы. – У нас в инфекционном шесть жительниц Узбекистана лежат, из них четверо незамужних. Проявите смекалку и настойчивость, вот и получится по-честному.

– О как, – озадачился Герман. – Так там, поди, какая экзотическая хворь, с азиатским акцентом?

– Не-не-не. – Регистраторша наконец улыбнулась. – Ничего особенного, подозрение на дизентерию. Так что смело можете ухаживать. А если что – туалетов у нас много.

– И все-таки воздержусь. – Герман вздохнул. – Я лучше останусь робко влюбленным в вас, буду приходить сюда время от времени, прятаться за автомат с кофе, смотреть, вздыхать и безнадежно страдать.

– Вольному воля, – величественно разрешила женщина. – Это все? Если да – то вон упомянутый вами автомат, в добрый путь.

Герман, по мнению Кольки, вроде как даже растерялся – видно, не привык к таким отказам. Парень даже порадовался – а вот не все коту масленица, есть на тебя угомон.

– Как же вы жестоки, – покачал головой оперативник и схватился за грудь. – Ох! Ой! Кажись, на осколки вы сердечко мое разнесли!

– Молодой человек. – Старушка, уже с минуту стоявшая за Германом, постучала ему по спине пальцем. – Ну не выходит у вас, неинтересны вы девушке. Не задерживайте очередь.

– Мать, ты не права. – Герман повернулся к бабушке. – Настойчивость и напор – и она будет моей.

– Это вы сейчас мне содержание уголовного кодекса зачитали? – взглянула на Германа поверх очков старушка. – Имейте в виду, перечисленные вами методы значатся в статье «Изнасилование». Там очень хорошо все описано, и про настойчивость, и про напор.

– Герман, заканчивай. – Колька решил вмешаться в шоу оперативника, на которое уже начали обращать внимание окружающие. – У нас дело есть.

– Увы и ах, мой юный ученик прав. – Герман снова повернулся к хозяйке регистрационной стойки. – Но сердце мое все равно разбито, а потому мне надо срочно поговорить со специалистом из кардиологии. С самым главным.

– Мужчина, у меня есть большое желание познакомить вас не с кардиологом, а с представителем охраны. – Глаза женщины стали строже.

– И все-таки я настаиваю. – Герман тоже немного изменил тон и предъявил регистраторше свое удостоверение. – Причем желательно его позвать сюда прямо сейчас.

– Так бы и говорили. – Наконец-то в голосе сотрудницы больницы появились эмоции, в данном случае – возмущение. – А то морочат голову...

Она набрала номер на телефоне, что-то сказала в трубку, и сообщила:

– Ожидайте вон там, за вами придут.

– Надеюсь, это будет не женщина в белом. – Герман изобразил сценку «снятие шляпы» и, отходя от стойки, печально произнес: – Прощайте, прекрасная надменность.

– Слабак! – махнула рукой старушка, без уважения глядя на Германа. – Вырождается мужик в России.

– Ничего и не слабак, – ворчал Герман, садясь на банкетку. – Никуда она не денется!

Колька ухмыльнулся, но в душе не верил, что ушлому оперу здесь что-то обломится. Уж очень непреклонная была М. А. Беляева. И красивая.

Минут через десять к заскучавшей было парочке – больница, как ни крути, не лучшее место для времяпровождения – подошел мужчина в зеленом халате.

– Вы из следственных органов? – спросил он, глядя на Германа, видно, сразу понял, кто тут главный. – Нам позвонили из регистратуры, сказали, что хотят видеть представителя от кардиологии.

– Совершенно верно. – Герман встал и, достав из кармана удостоверение, показал его мужчине. – Капитан Стернин, это лейтенант Нифонтов, мой помощник. А вы, видимо, заведующий данным отделением?

– Ну мне до заведующего еще далеко, – улыбнулся врач. – Я старший ординатор, зовут меня Сергей Степанович Молчанов, можно просто Сергей. Задавайте ваши вопросы.

– Да вопрос один. – Герман пылливо уставился на Сергея. – С чего это столько народу прописку земную на небесную сменило?

– А с чего туда за время существования земной тверди столько народу отправилось? – развел руками врач. – Простите за банальность, но человек смертен. Не мной это придумано и не мной сказано, но все обстоит именно так.

– Но, чтобы вот так живенько, простите за каламбур, чтобы восемь человек, один за другим? – гнул свою линию Герман.

– Всякое бывает, – спокойно ответил ему врач. – Все умершие были людьми немолодыми, почти у всех был атеросклероз с преимущественным поражением коронарных артерий сердца, на разных стадиях, но...

– Вскрыли всех? – деловито поинтересовался оперативник.

– Разумеется, – кивнул Сергей. – Диагноз один и тот же – спазм пораженных склеротическим процессом коронарных артерий.

– Понятно. – Герман потер подбородок, видно он из слов врача, в отличие от Кольки что-то понял. – То есть – естественные причины?

Врач развел руками, как бы говоря – вам виднее, что мог, то сказал.

– А вот вы сказали, что почти у всех был этот, как его... – Колька посопел, вспоминая слово. – Атеросклероз. А у остальных?

– У двоих была гипертония, – пояснил врач. – По сути, это не то чтобы одно и то же, но эти два заболевания часто сочетаются друг с другом.

– Скажите, а смерти, часом, не были, как бы так сказать... – Герман щелкнул пальцами. – Схожи? Время суток, конкретные часы, выражение лица покойных, как бы дико это ни звучало?

Врач задумался.

– По времени – все смерти произошли в ночные смены, – наконец ответил он. – Что до того, в каком часу они были – это мне неизвестно. На аппаратах из умерших никто не сидел, так что обнаруживалось это, как правило, не сразу. Впрочем, если надо, можем поднять истории, в акте вскрытия должно быть предположительное время смерти. А по поводу выражения лица... Не знаю, специально не смотрел и не запоминал. Впрочем... Вы знаете, помню двоих. Их лица были какие-то... Счастливые, что ли?

– Стало быть – ночью, – протянул Герман. – Понятно. Ну что, друг мой Колька, пошли, поглядим на палаты? А вы, док, дайте команду, чтобы все истории покойных подняли, мне интересно время смерти каждого из них.

Колька понял, что Германа что-то насторожило и что по-быстрому они отсюда уже не уйдут.

– Халаты только наденьте и бахилы, – немного равнодушно сказал кардиолог. – Порядок есть порядок.

Судя по всему, визиты милиции были не редкостью, да оно и понятно – экстренная медицина потому и является экстренной, сюда всех болящих везут, в том числе и криминальных.

Герман посновал по этажу, где находилась кардиология, посмотрел палаты, пожелал всем скорого выздоровления, пообщался с больными, почесал затылок, после посадил Кольку в коридоре, предварительно выдав ему шоколадную конфету «Маска», которая, судя по замусоленному фантику, у него в кармане со времен царя Гороха лежала, и отправился калякать с медсестрами.

Не было его долго, часа полтора, Колька уже конфету съел, аккумулятор телефона посадил, играя в слот-машину, и теперь с завистью принимался к ароматам еды – наступило время ужина, и самоходки с огромными кастрюлями и чайниками загромыхали по коридорам.

– Что, заскучал? – рядом с Колькой плюхнулся довольный Герман. – Ну, Федул, чего губы надул? Обиделся, что я тебя с собой не взял?

– Ничего я не обиделся, – как можно нейтральнее ответил Колька. – Не взял – стало быть, так надо. Для дела.

– Оби-и-иделся! – с уверенностью чуть ли не пропел Герман и приобнял Кольку за плечи. – Оно и понятно, обидно, но вот какая штука, приятель – не нужен ты мне там был. Лишним бы ты оказался.

– Ты чего, кого из сестричек там уже того? – выпучил глаза Колька. – Офигеть!

– Ну было бы неплохо, кабы было по-твоему, – потупился Герман. – Но нет. Просто то, что я у них узнал, они бы при третьем лице мне не сказали, понимаешь? Еле раскрутил, клянусь мамой.

– Слушай, я уже ничего не понимаю, – признался ему Колька. – Запутал ты меня.

– А вот это плохо. – Герман повел носом. – О, рыба с пюрешкой, а может, даже и с огурчиком соленым. Это хорошо. О чем я? А, да. Ты оперативник, а значит, должен думать быстро и факты связывать воедино. Установочной информации у тебя море, вот сиди и думай, о чем я там сестричек расспрашивал. А я пойду.

– Куда? – страдальчески сморщился Колька.

– Туда, – ткнул пальцем налево Герман. – Об ужине для нас договорюсь. Мы, Николая, нынче здесь с тобой ночуем. Не знаю, как у тебя, а у меня кишка кишке стучит по башке.

Только полы халата мелькнули. Был Герман – и нет его.

Сестрички оказались вполне симпатичные и добрые. Получив от своего начальства подтверждение того, что оперативники заночуют на этаже, они отвели их на кухню, где выдали по тарелке вожделенного пюре с жареным хеком и чайник с чаем.

– Не люблю больницы, – потянулся Колька к чайнику, чтобы наполнить кружку еще раз. – Но чаёк тут вкусный.

– Хорош, – хлопнул его по руке Герман. – Одну выпил – и шабаш. Мы тут не для разнообразия ночевать будем, а по делу, стало быть, нечего водой наливать под горлышко. Тебе приспичит в туалет бежать в самый неподходящий момент, поверь мне. Лучше скажи – ты понял, о чем я говорил с сестрами?

– Версии есть, но они все бредовые, – признался Колька.

– Хорошо. – Герман смаковал парующий напиток. – Вот скажи мне, приятель – в чем таком не захочет признаваться местная работница, учитывая специфику этого учреждения? Поверь, младший медперсонал абы чем не проймешь, они все видели и все знают, тем более работая здесь.

– В связи с пациентом? – предположил Колька. – Ну ты понял, о чем я.

– Кто о чем! – поднял глаза к потолку Герман. – Нет. Это не приветствуется, но и не запрещается, особенно если не на рабочем месте, не в рабочее время и не за денежку. Да и вообще – у медиков мораль немного другая, понимаешь? У тебя не было медичек?

– Нет. – У Кольки и не медичек было немного, чего греха таить.

– Вот оно и видно. – Герман осушил кружку, с печалью посмотрел на чайник и вздохнул. – Запомни, юноша, одно из самых страшных прегрешений младшего медперсонала – сон на рабочем месте. А особенно это касается дежурных. Уснул, не услышал «пи-пи-пи» какого-нибудь прибора – и все. Статья, причем не в трудовой книжке.

– А они уснули, – понял Колька.

– Да, – подтвердил его слова Герман. – Причем каждая из них. Причем приблизительно в один и тот же отрезок времени. Понимаешь?

– Вряд ли это совпадение, – заключил Колька.

– Скажу тебе больше – это вообще ни разу ни совпадение. Ответь мне – почему?

– Время смерти! – не сразу, но дошло до Кольки. – То, что в заключении экспертизы!

– Молодец, так оно и есть. Третий час ночи. – Герман дурашливо погладил его по голове и протянул ему белую круглую таблетку. – Держи аскорбинку, мне ей весь карман набили.

Та сестра, что нынче дежурила, хотела устроить ребят в пустом боксе, но Герман воспротивился. Он засел в какой-то комнате, заставленной шкафами с лекарствами, но зато со стеклянной дверью, за которой было видно и коридор, и пост дежурной.

– Отличная позиция, – пропыхтел оперативник, двигая шкаф, за которым он собирался усесться. – Нам видно всё, нас не видно никому. В туалет сходил?

– Сходил. – Колька чувствовал себя несмышлёнышем. – Понятное дело.

– Вот и ладно. – Герман повозился на полу за шкафом и вздохнул. – Да ты не переживай так. Думаешь, со мной или Пашкой по-другому нянчились? Да точно также Загорянский, светлая ему память, гонял, и точно так же опекал. Если, не приведи Господи, я окажусь прав и придет тот, о ком я думаю, то шатание по коридорам может стать для тебя последней прогулкой в твоей юной жизни.

– А кто придет? – Колька вытянул ноги. – О ком ты думаешь?

– Когда придет, тогда и скажу, – Герман хмыкнул. – Нечего на тебя раньше времени жуть нагонять. Я надеюсь на то, что это вполне себе слабенькая нежить. Главное, когда начнется – следи за стеной, что напротив нас. Кто бы это ни был, тень он отбрасывает.

– Так вроде вампиры во всех фильмах... – возразил ему юноша, но оперативник только хмыкнул, давая понять, что кинематографическая информация – это даже не смешно.

И потянулось время. В коридоре потушили свет, утомились больные, где-то раздался лютый храп. Колька начал моргать чаще обычного – его потянуло в сон.

– Колюня, – послышался голос Германа. – Держи-ка, а то уснешь.

Темная фигура приблизилась к юноше и вложила ему в руку горошину.

– Это чего? – спросил Колька.

– Витаминка! – прошипел Герман. – В рот кидай и не вздумай жевать, сразу глотай!

Колька забросил горошину в рот, почувствовал горечь и привкус хины.

– Это стимулятор. Нашей Вики творчество, между прочим, – пояснил через минуту Герман. – Теперь часов пять как батарейка будешь. А из чего она их делает – пес его знает, да мне и неинтересно. Есть вещи, которые лучше не знать.

В голове у Кольки разом прояснилось, сон как рукой сняло.

– Мощная штука, – шепнул он Герману. – Если на поток поставить – озолотиться можно. Герман молчал.

– Я говорю... – снова начал Колька, но его напарник еле слышно сказал:

– Цыц! Сестра уснула! Смотри!

Колька высунул голову из-за шкафа и увидел, что дежурная и впрямь уткнулась лицом в стол. Она явно спала.

– Следи, – прошелестело из угла, где сидел Герман.

Колька уставился на стену напротив. Стена и стена, желтая, крашеная. Глаза начало слегка жечь, как будто в них мыло попало. И вот тут, моргнув в очередной раз, Колька увидел, как по стене проскользнула тень, длинная, темная, как будто высокого человека в шляпе.

– Там... – шепнул он, но Герман его перебил:

– Вижу, молодец. Все-таки это стриг, проще говоря – пожиратель душ. Беда.

В коридоре тихонько стукнула дверь, как видно, таинственный стриг вошел в палату.

– Так, слушай меня, малой. – Герман больше не шептал, но говорил негромко. – Стоишь за мной, вперед не лезешь, никакой самостоятельности.

– Ага. – Колька достал пистолет и щелкнул предохранителем.

– Убери! – Герман даже как-то возмутился. – Ты идиот? Что ты с ним носишься вечно, как дурень с деревянным яйцом? Там, в палате, люди! А если пуля от стены срикошетит? Да и что стригу твои пули? Кабы еще серебряные, а так...

– Как же тогда? – растерялся Колька.

– Как, как. – Герман скинул халат, пиджак и остался в одной рубашке. Слева у него под мышкой висел пистолет, справа оказались ножны, из которых он извлек тускло блестящий длинный нож. – Каком кверху. Не волнуйся, все будет хорошо. Или не будет. Пошли скорей, пока та тварь еще одного бедолагу к праотцам не отправила.

Оперативник неслышно скользнул к двери, Колька последовал за ним.

У двери палаты Герман еще раз показал, теперь уже знаками, что Колька не должен ему мешать, и рывком открыл дверь.

Над койкой одного из больных склонилась высоченная фигура в черном плаще и шляпе, и как будто что-то ему шептала.

– Оставь его, тварь! – рыкнул Герман, одним прыжком приближаясь к человеку в черном.

Звук, который раздался в ответ, никак нельзя было спутать с людской речью. Это было что угодно, только не речь.

Стриг распрямился, и Колька увидел то, что было у него под шляпой. Тусклых отблесков света из коридора было достаточно, чтобы разглядеть два круглых черных глаза без зрачков, отсутствие носа, бледную кожу и хоботок, находящийся там, где у человека обычно бывает рот.

– Твою мать! – вырвалось у него, и, забыв все, что говорил Герман, он стал скрести рукой по кобуре, пытаясь вытащить пистолет. Рефлекс, что поделаешь.

Сам же Герман, ловко, как будто танцуя, подобрался к стригу вплотную. В руке у него серебряно посверкивал нож.

Тварь снова издала жуткий звук и взмахнула рукой, причем рукав того, что Колька считал пальто, стал больше напоминать саван.

Герман увернулся и в ответ очень умело рубанул лезвием ножа по руке стрига. Вспышка на секунду ослепила Кольку, когда же он проморгался, черный силуэт был рядом с ним.

Глаза юноши скрестились с глазами твари, и время для Кольки остановилось.

– Присел! – голос Германа вырвал его из запределья черных глаз, тело автоматически выполнило команду, раздался противный скрежет по дереву, а после новая вспышка снова на мгновение лишила его зрения.

– Чтоб тебе! – Герман вырвал нож, застрявший в дверном косяке, и глянул на Кольку. – Ты как?

– Ух! – Колька потерял глаза. – А где этот?

– Бежит отсюда быстро-быстро, и мы поспешаем за ним! Я его зацепил, так что есть шанс, – Герман распахнул дверь и припустил по коридору.

Выбегая в дверь, Колька заметил, что рядом с местом, куда воткнулся нож, еще есть четыре глубоких запила, как будто кто-то по дереву когтями ударил. Гадать, кто именно, не приходилось. «Блин, если бы не Герман, он бы мне горло разорвал», – подумал юноша, следуя за оперативником, и зачем-то на бегу пощупал свою шею.

Германа он догнал уже у выхода на пожарную лестницу. Тот сидел на корточках и нюхал свои пальцы.

– Ты чего? – Колька уставился на товарища.

– Ихор, – коротко пояснил ему Герман, показывая на темную лужицу на полу. – Точно зацепил я его, теперь мы ту норку, через которую он сюда лазит, наверняка найдем.

И впрямь – тварь метила свой путь темными, вонючими пятнами того, что заменяло ей кровь.

Оперативники проскочили лестницы пожарного выхода, после прошли какими-то пустынными коридорами, и в результате оказались в некоем подобии подвала, в дверь которого, похоже, и скользнул стриг.

– Ну да. – Герман распахнул дверь, повертел головой, осторожно пошарил рукой по стене и щелкнул выключателем. Тусклая лампочка озарила просторное помещение, заваленное разным хламом. – Сверху все как в третьем тысячелетии, ну а тут все как было, так и осталось. Так, дружище, идешь за мной, страхуешь спину.

– Есть. – Кольке было страшно и почему-то не слишком за это стыдно.

По шажочку оперативники продвигались вглубь, пока Герман не сказал:

– Все, отбой.

Сначала Колька не понял, в чем дело, но тут Герман показал ему на кругляш канализационного люка, вделанного в пол, вокруг него все было заляпано черными пятнами ихора, крышка лежала неровно, из колодца доносился звук воды.

– Я все гадал – откуда же он приходит? – сказал Герман, подцепил увесистую крышку люка, и, утробно ухнув, закрыл ей черный зев лаза. – Потому и сомневался, что это именно стриг, думал, может, какой кровосос повадился сюда ходить. Ты понимаешь, Николай, стриги в помещениях не живут, их среда обитания – тоннели. А оно вот что, тут выход в канализацию есть.

– Туда полезем? – Колька ткнул стволом пистолета, который он держал в руках, в пол.

– Да убери ты его наконец! – рассердился Герман. – Говоришь ему, говоришь, все как об стенку горох. Куда «туда»? Он нас там на фарш будет резать, причем медленно и с удовольствием. Ты не гляди, что раненый, это же его родная стихия. Может, если бы всем отделом, да и то не факт...

– Так ведь он опять начнет убивать. – Колька махнул пистолетом, поймал взгляд Германа и убрал его в кобуру.

– Не-а, не начнет. – Герман присел на обломок стола. – Стриги очень трусливы и отчаянно дерутся только тогда, когда им совсем край. Так что он теперь не то что сюда, он вообще наверх еще лет двадцать не сунется, поверь мне. А когда этот срок пройдет, пускай у тех, кто за нами в отдел придет, штаны преют. Хотя не завидую я дигтерам, которые ему в тоннелях могут

попасться, не завидую. Стриги еще и жутко мстительны, так что умирать эти бедолаги страшно будут. Но им сто раз было говорено – не лезьте по колодцам.

– Слушай, а стриги кто такие вообще? – задал Колька вопрос, который вертелся в его голове с того момента, как он эту тварь увидел.

– Колюня, учи матчасть, – без шуток сказал Герман. – Ровнин тебя в любой момент может дернуть к себе и экзамен устроить, имей в виду.

– Опа, а мне про это и не говорили, – опечалился Колька.

– Понятное дело. – Герман встал на ноги. – Это же для тебя должен быть сюрприз! Давай-ка на всякий случай завалим этот люк, от греха. Мало ли...

Пока оперативники таскали разный хлам, что потяжелее, Герман объяснил Кольке, что стриги – это нежить из условно бессмертных. Когда-то стриг был человеком, но непростым, а промышляющим колдовством, причем самым черным, с жертвоприношениями. Вот и нет ему посмертия, а есть только тьма да тоннели подземные, такая у него судьба. Те тоннели из него все человечье за века вытянули, оставили лишь злобу, голод да муку. И еще душа его рвется на волю, оттого боли он испытывает невозможные, и чтобы свою душу усыпить, ему надо чужие присваивать, причем чем больше – тем лучше, вот за тем он в больницу и шастал. Один раз выгорело, понял он, что его не ищут, и пошел вразнос. Усыпит весь этаж, есть у него такое умение, выберет самого слабого из больных, кто на пороге смерти стоит уже, и душу его вытянет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.